ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ

СЛАВЯНСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

для біографіи

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

(1843—1893).

(Посвящается памяти прот. А. В. Горскаго).

Андрея Петрова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегировой. Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.
1894.

Печатать дозволяется. Москва. Мая 28 дня. 1894 г.
Цензоръ **Архимандритъ Климентъ.**

Изъ Майской—Іюньской книжки „Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія" за 1894 годъ.

Пятидесятилѣтіе научной разработки пространнаго житія св. Константина философа (1843—1893 г. г.).

(Посвящается памяти прот. А. В. Горскаго).

Въ 6-ой книжкѣ „Москвитянина“ за 1843 г. отдѣлъ „наукъ“ открывается анонимнымъ изслѣдованіемъ: „О св. Кириллѣ и Меѳодіи“ (стр. 405—434). Небольшое, непритязательное на видъ, изслѣдованіе это было прислано редактору журнала, М. П. Погодину, при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Посылаю Вамъ статью о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Извините, что она не совсѣмъ чисто переписана и много измарана поправками. Предъ отправленіемъ къ вамъ я снова пересматривалъ ее и нашелъ нужнымъ кое-что перемѣнить въ ней. Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, изъ-за дѣла ли я бился, или изъ-за своей мечты: не повѣрите, какъ меня это занимаетъ. Вашъ голосъ будетъ мнѣ рѣшителемъ сомнѣній, и всего бы лучше, если-бы вы изъявили свое мнѣніе не публично только, но и частно мнѣ съ большею подробностью — если только будетъ у васъ на это время. Своего имени не подписываю подъ статьею, вамъ извѣстно, почему“ (Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VII, стр. 164—5). Письмо было подписано профессоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ [1]). Присланная въ ре-

[1]) Горскій былъ приглашенъ сотрудникомъ въ „Москвитянинъ“ еще при самомъ его основаніи (1840 г.). Отвѣчая на приглашеніе Погодина, между

дакцію статья заключала въ себѣ изслѣдованіе неизвѣстныхъ еще въ наукѣ житій свв. славянскихъ первоучителей, которыя посчастливилось автору найти въ рукописяхъ академической библіотеки. По заключеніямъ изслѣдователя новые памятники должны были представлять огромное значеніе для біографіи Кирилла и Меѳодія; но согласятся ли съ его выводами другіе ученые? „изъ-за дѣла ли бился“ онъ, „или изъ-за мечты“? Безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ долженъ былъ сильно волновать автора, заставляя его внимательно перечитывать рукопись, уже готовую къ отправкѣ въ редакцію, и снова передѣлывать ее.

Погодину были уже извѣстны найденные Горскимъ памятники; по крайней мѣрѣ списокъ съ Константинова житія былъ уже сообщенъ имъ Шафарику. По счастливой случайности въ одно время съ рукописью Горскаго, Погодинъ получилъ отъ Шафарика письмо, въ которомъ тотъ писалъ между прочимъ: „житіе Константиново, вами ко мнѣ присланное, есть сокровище, перло“. („Москвитянинъ“. 1843 г., кн. VI, стр. 550). Разумѣется, мнѣніе знаменитаго слависта было немедленно сообщено въ Троицкую Лавру. На

прочимъ онъ писалъ: „Что касается до приглашенія вашего къ участію въ журналѣ, то позвольте, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, прежде всего устранить всѣ комплименты, которыми вамъ угодно было почтить меня. Ей, ей! Это не ведетъ ни къ чему. Если же вамъ не угодно признать это за комплименты, то, мнѣ кажется, вы очень ошибаетесь на счетъ меня. Слишкомъ еще мало я имѣю того, что вы мнѣ приписываете. Но это слово искренности —болѣе для будущаго времени. Искренность и прямодушіе всего дороже. Послѣ этого искренно благодарю за вашъ вызовъ и постараюсь не быть безотвѣтнымъ на него. Указанныя вами занятія, и по моему мнѣнію, могли бы быть полезны для науки. Но и здѣсь та же просьба, какая и выше (т. е. не дѣлать извѣстнымъ моего имени). Одна изъ причинъ та, что мы, духовные, обязываемся прежде печатанія своихъ сочиненій, просить на то благословенія епархіальныхъ преосвященныхъ. Есть и другія. Между тѣмъ для истины, которой Господь призвалъ служить, все равно, какая бы ни была подписана литера подъ статью, писанною для объясненія ея: A. B. C. Д. Я говорилъ о вашемъ предложеніи о. ректору Филарету, который одинъ и знаетъ здѣсь обо всемъ, что я пишу къ вамъ. Онъ также не отказывается, при случаѣ, сообщить что-нибудь для вашего журнала, но съ тѣмъ же условіемъ, что бы его имя не было объявленнымъ“. Барсуковъ V, 350—1.

сообщеніе Погодина скромный профессоръ отвѣчалъ: „Покорнѣйше благодарю васъ за ободреніе. Мнѣ утѣшительно видѣть, что мысль, давно меня занимавшая, и по суду опытнѣйшихъ, не мечта. Особенно драгоцѣннымъ мнѣ кажется житіе Кирилла. При объясненіи его я менѣе встрѣчалъ затрудненій, и его успѣшнѣе можно отстаивать“ (Барсуковъ. VII, стр. 165).

Съ выходомъ въ свѣтъ 6-ой книжки Москвитянина открытіе Горскаго и завѣтная мысль его предстали на судъ всего ученаго міра. Ниже мы узнаемъ, какъ отнеслись ученые къ изслѣдованію московскаго профессора, а теперь укажемъ его значеніе для кирилло-меѳодіевской литературы того времени.

До 1843 г. біографія славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія составлялась обыкновенно по латинскимъ источникамъ (итальянской легендѣ и такъ называемому зальцбургскому меморандуму), отчасти по греческому житію св. Климента. Горскій прибавилъ къ нимъ еще славянскія житія свв. братьевъ, и эти памятники, по богатству и свѣжести содержащагося въ нихъ матеріала, должны были отодвинуть прежніе источники на второй планъ. Прежняя біографія первоучителей теперь уже не годилась; ее надо было заново передѣлать сообразно со вновь открытыми житіями. Статья Горскаго и представляетъ первый опытъ такой біографіи. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ ней вновь появляющіяся біографическія данныя подвергнуты серьезной исторической критикѣ, а въ началѣ статьи представлены общія соображенія о мѣстѣ и времени происхожденія новыхъ источниковъ.

Открытіе Горскаго возвращало русской, да и вообще славянской, литературѣ пропавшія было (по выраженію Погодина) „безъ вѣсти“ славянскія житія славянскихъ первоучителей; кирилло-меѳодіевская критика обогатилась новыми данными для возстановленія біографіи славянскихъ апостоловъ, и вопросъ о происхожденіи вновь открытыхъ источниковъ теперь занялъ въ ней первое мѣсто. Цѣлый рядъ ученыхъ занялся продолженіемъ изслѣдованія Горскаго, которое было принято, какъ опорный, исходный пунктъ для

дальнѣйшихъ предположеній и выводовъ по данному вопросу; вслѣдъ за пространными житіями проникли въ научную кирилломеѳодіевскую литературу и другіе славянскіе источники для біографіи славянскихъ апостоловъ. Таковы были послѣдствія изслѣдованія московскаго профессора.

Вызванное статьею Горскаго научное движеніе не прекратилось и по-нынѣ. Поднятый въ ней вопросъ и въ настоящее время требуетъ еще новыхъ и новыхъ изслѣдованій для своего окончательнаго разрѣшенія. Больше всего сомнѣній вызываетъ житіе Константина философа. Мнѣніе Горскаго, что памятникъ этотъ успѣшнѣе можно отстаивать, чѣмъ житіе Меѳодія, не оправдалось. Наоборотъ, въ настоящее время происхожденіе именно пространнаго кириллова житія составляетъ самый спорный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый главный вопросъ кирилло-меѳодіевской критики. Въ интересахъ дальнѣйшей разработки этого вопроса мы считаемъ не лишнимъ выяснить его настоящее положеніе и съ этой цѣлью предлагаемъ его исторію. Пріурочивая свою статью къ исполнившемуся въ нынѣшнемъ году полувѣковому юбилею появленія въ печати изслѣдованія Горскаго, мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ посвятить ее памяти покойнаго русскаго ученаго [1]).

I.

Результаты изслѣдованія Горскаго заключаются въ слѣдующемъ: житіе Меѳодія написано въ Паннонія, послѣ смерти моравскаго святителя (885), но раньше паденія Моравіи (нач. X в.); авторъ его—ученикъ славянскихъ просвѣтителей, признававшій власть папы, но исповѣдавшій православный символъ вѣры. Въ житіи Константина Горскій не нашелъ рѣшительныхъ признаковъ его происхожденія; лишь на основаніи нѣкотораго сходства съ житіемъ Меѳодія авторъ

---

[1]) Въ послѣднемъ томѣ (IX) Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона мы не нашли біографіи Горскаго. Надѣемся, что редакція словаря не замедлитъ восполнить этотъ непозволительный пробѣлъ.

заключилъ, что оно принадлежитъ той же странѣ и тому же времени, гдѣ и когда появилось послѣднее. Рядомъ съ этими выводами Горскій поднимаетъ вопросъ о позднѣйшихъ вставкахъ въ житія. „Впрочемъ, прибавляетъ онъ, въ житіи Кирилла нельзя не замѣтить дополненій Русскихъ“ (стр. 9) и затѣмъ указываетъ на два такія дополненія. Въ изложеніи содержанія житій еще два сообщенія возбуждаютъ въ изслѣдователѣ сомнѣнія; изъ нихъ одно находится даже въ житіи не Кирилла, а Меѳодія. Эти указанія на позднѣйшія вставки въ житія ясно показываютъ, что выводы Горскаго не вполнѣ приложимы къ житіямъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Происхожденіе настоящей редакціи житія не могло быть опредѣлено безъ рѣшенія вопроса, исчерпывается ли позднѣйшее вліяніе на житія указанными Горскимъ вставками. Горскій не рѣшаетъ этого вопроса, имѣя въ виду только показать историческое значеніе житій, до него остававшихся въ неизвѣстности и безъ употребленія. Такимъ образомъ изслѣдованіе памятниковъ въ историко-литературномъ отношеніи не входило въ программу статьи Горскаго или, по крайней мѣрѣ, не составляло ея главной задачи.

Главная цѣль изслѣдователя была достигнута, хотя не вполнѣ: почти всѣ ученые согласились съ выводами Горскаго объ историческомъ значеніи житія Меѳодія, но къ житію Константина многіе отнеслись съ недовѣріемъ. Это недовѣріе вполнѣ понятно: оно вызывается прежде всего самимъ житіемъ, отсутствіемъ въ этомъ памятникѣ признаковъ, болѣе или менѣе твердо опредѣляющихъ его древнее происхожденіе. Доводы Горскаго, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ сходствѣ обоихъ житій, слишкомъ субъективны. Недостаточность ихъ признавалась и послѣдователями русскаго ученаго. Такъ, напр. Дюмлеръ считалъ необходимымъ доказать достовѣрность житія Константина независимо отъ житія Меѳодія [1]. Викторовъ поколебалъ отчасти самую основу, на которой держится заключеніе Горскаго. Въ своемъ изслѣдованіи „Новые источники и ученые труды

---

[1]) „Die Pannon. Legende v. h. Methodius“ Въ „Arch. für Kunde Oesterreich. Geschichtsquellen. 1854. Band XIII, S. 150.

для исторіи слав. апостоловъ" („Кирилло-меѳод. сборникъ". М. 1865 г. стр. 343 - 440), онъ называетъ паннонскимъ одно только житіе Меѳодія, предполагая, что житіе Константина могло быть написано и не въ Панноніи. Ваттенбахъ, согласившійся съ мнѣніемъ Горскаго въ общихъ его чертахъ, однако призналъ изслѣдованіе русскаго ученаго недостаточнымъ для того, чтобы включить житія въ число первоисточниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. При всей вѣроятности многихъ извѣстій, находящихся въ житіяхъ, Ваттенбахъ нашелъ, особенно въ житіи Константина философа, „Spuren, welche vor zu grossem zutrauen warnen müssen" [2]).

Разъясненіе и устраненіе всѣхъ этихъ сомнѣній и противорѣчій досталось на долю послѣдующихъ изслѣдователей житія. Преемникамъ Горскаго предстояло подвергнуть критикѣ тѣ части житія, которыя оставались еще неизслѣдованными, — разсмотрѣть только намѣченный вопросъ о позднѣйшемъ вліяніи на памятникъ и выдѣлить изъ него позднѣйшія вставки, если бы таковыя нашлись, — разобрать весь памятникъ со стороны формы и затѣмъ уже найти ему мѣсто среди произведеній той или другой страны, той или другой эпохи и, по мѣрѣ возможности, того или другого лица. На самомъ дѣлѣ эта программа стала приводиться въ исполненіе съ конца. Начали съ того, что безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій памятника нерѣшительному мнѣнію Горскаго придали вполнѣ рѣшительный характеръ, назвавши оба житія паннонскими и отнеся ихъ, по происхожденію, не только къ одному времени и одной странѣ, но и къ одному автору; нашли даже имя послѣдняго: это былъ, по мнѣнію большинства ближайшихъ (по времени) послѣдователей Горскаго, еп. Климентъ, ученикъ славянскихъ просвѣтителей. Литературная дѣятельность Климента, правда, твердо засвидѣтельствована преданіемъ, какъ въ житіи святителя, такъ и въ заглавіяхъ ко многимъ дошедшимъ до насъ про-

---

[2]) Beitr. zur Geschichte d. christl. Kirche in Mähren u. Böhmen. Wien. 1849, S. 33.

изведеніямъ [1]). Однако внѣшнихъ признаковъ принадлежности ему, какъ автору, житій Кирилла и Меѳодія, не имѣется, такъ что доказать эту мысль, еслибы она была справедлива, можно было бы только на основаніи житій; между тѣмъ изслѣдованіе памятниковъ оставалось въ прежнемъ положеніи и никакихъ новыхъ данныхъ для такого точнаго рѣшенія вопроса не было найдено въ нихъ. Ясно, что рѣшеніе было высказано только на основаніи изслѣдованія Горскаго, какъ дальнѣйшее развитіе сдѣланныхъ имъ выводовъ.

Впрочемъ это злоупотребленіе изслѣдованіемъ Горскаго скоро встрѣтило отпоръ въ извѣстной статьѣ Викторова. Въ ней была рѣшительно отвергнута принадлежность еп. Клименту житія Меѳодія, принадлежность ему Кириллова житія оставлена подъ сомнѣніемъ и высказано общее положеніе, что оба памятника „не могли принадлежать одному и тому же автору" [2]). Кромѣ того въ статьѣ высказано сомнѣніе въ справедливости положенія самого Горскаго, что оба житія написаны въ одной странѣ; слѣдовательно неприкосновеннымъ оставлено только второе положеніе Горскаго объ одновременномъ происхожденіи житій, написанныхъ и по мнѣнію Викторова современниками славянскихъ первоучителей. Разумѣется, теперь понадобились новыя доказательства древняго происхожденія житія Константина философа. Викторовъ указываетъ ихъ въ простотѣ и безъискусственности разсказа, равно какъ и въ его „необыкновенной" подробности (стр. 105). По мнѣнію изслѣдователя, „находящіяся въ житіи подробности о первыхъ годахъ жизни Кирилла, о путешествіи къ Сарацинамъ, о посольствѣ Моравлянъ, о пребываніи въ Венеціи, Римѣ и проч. не могутъ не привести къ заключенію, что авторъ житія или былъ свидѣтелемъ описываемаго, или слышалъ все это отъ самого Кирилла или Меѳодія. Нѣкоторыя мѣста невольно застав-

1) „Кирилло-меѳод. сборникъ", 403.

2) Составленный первоначально Ундольскимъ („Чтенія въ Общ. Ист. и Древн." за 1848 г. кн. VII, отд. 1, стр. X—XI) списокъ произведеній Климента недавно былъ пересмотрѣнъ архим. Леонидомъ въ томъ-же журналѣ, за 1890 г. кн. III, и г. Пѣтуховымъ въ „Журн. М. Нар. Просв." за 1893 г. кн. IV.

ляютъ даже думать, что авторъ какъ будто велъ дневникъ событій, которыя онъ описываетъ". Подтвердивъ свои слова ссылкою на помѣщенное въ житіи описаніе совершенной въ Римѣ славянской литургіи, Викторовъ продолжаетъ: „да и вообще въ житіи столько мелочныхъ подробностей, столько хронологическихъ и топографическихъ указаній, столько названій лицъ, мѣстностей, предметовъ, что все это могло сохраниться только въ памяти непосредственнаго свидѣтеля или участника событія или, по крайней мѣрѣ, слышавшаго о нихъ отъ самихъ дѣйствователей" (406). Съ послѣднимъ мнѣніемъ автора нельзя не согласиться: дѣйствительно, если всѣ подробности, сообщаемыя въ житіи Константина философа, имѣютъ историческій характеръ, то житіе должно быть признано произведеніемъ современника славянскихъ апостоловъ, очевидца ихъ жизни и дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе цѣльнымъ и послѣдовательнымъ является въ настоящее время взглядъ на пространныя житія, принадлежащій проф. Голубинскому и Малышевскому. Но вопросъ въ томъ: можно ли и слѣдуетъ ли признать историческій характеръ всѣхъ указанныхъ Викторовымъ извѣстій? Горскій подвергнулъ исторической критикѣ только часть ихъ и то нашелъ признаки позднѣйшаго вліянія на житіе, нѣтъ ли позднѣйшихъ вставокъ и въ остальной, неразобранной части житія? не составляютъ ли нѣкоторыя „необыкновеныя" подробности его простыхъ литературныхъ украшеній, столь обыкновенныхъ въ византійской агіологичечкой литературѣ, съ которою составитель житія, конечно, былъ знакомъ? Для Викторова эти вопросы, повидимому, не существовали; по крайней мѣрѣ, въ его статьѣ они даже не затронуты. Такимъ образомъ и его выводы основаны не столько на изслѣдованіи памятника, сколько на личномъ впечатлѣніи, полученномъ отъ чтенія житія подъ вліяніемъ изслѣдованія Горскаго. Субъективность ихъ очевидна. Еще до Викторова было выражено (Ваттенбахомъ) сомнѣніе въ достовѣрности нѣкоторыхъ извѣстій житія, между прочимъ, его цифровыхъ данныхъ. Впослѣдствіи тѣже самыя подробности сказанія, которыя такъ обворожили Викторова, въ связи съ общимъ,—уже

не „безъ искуственнымъ“ и „простымъ“, а легендарнымъ— его характеромъ привели другихъ ученыхъ къ убѣжденію въ его позднѣйшемъ происхожденіи, въ то время, когда „жизнь и дѣятельность Кирилла облеклась уже въ образъ легенды“ [1]).

Такое крупное разногласіе въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же фактовъ обусловливалось, очевидно, разностью точекъ зрѣнія на житіе. Одни изслѣдователи, подобно Викторову, примыкали къ изслѣдованію Горскаго и, не вполнѣ усвоивши себѣ его главную цѣль и дѣйствительное значеніе, судили о всемъ памятникѣ по тѣмъ извѣстіямъ, достовѣрность которыхъ доказывается Горскимъ и нѣкоторыми его послѣдователями; другіе брали памятникъ во всемъ его объемѣ, но въ основу своего мнѣнія полагали, наоборотъ, неизслѣдованныя его сообщенія, которыя признавались ими за недостовѣрныя, легендарныя. Понятно, что первая точка зрѣнія должна значительно скрадывать то неблагопріятное впечатлѣніе, которое производятъ особенно нѣкоторыя части житія на представителей противоположнаго направленія; наоборотъ, вторая точка зрѣнія должна располагать ученыхъ, усвоившихъ ее, видѣть сказку иногда и въ тѣхъ извѣстіяхъ, историческая достовѣрность которыхъ у первыхъ изслѣдователей не подвергается сомнѣнію. Въ результатѣ получается существенное разногласіе по весьма важному въ славянской исторіи вопросу, которое раздѣлило ученый міръ на два лагеря.

Какъ извѣстно, споръ остается нерѣшеннымъ и въ настоящее время. Съ прежнимъ недовѣріемъ отнесся къ житію Константина г. Бильбасовъ и въ 1885 году, въ юбилейной

---

1) Бильбасовъ „Кириллъ и Меѳодій“ ч. II, стр. 14. Ср. мнѣніе Гильфердинга въ „Кир.-Меѳ сборн.“, стр. 152 и прим. на стр. 163. Григоровичъ относилъ житіе прямо къ XIV в. Ibid., стр. 263; въ извѣстномъ изслѣдованіи Гинцеля: „Gesch d. slavenapostel Cyr. u. Meth. und d. slaw Liturgie“. Wien. 1861 (изд. 2)—житіе Константина, какъ историческій источникъ, даже не удостоивается критики. Въ „Essai de Chrongraphie Byzantine“ Муральта (1855 г.) также не находимъ ссылокъ на житіе, хотя памятникъ былъ извѣстенъ автору, и дѣятельность славянскихъ апостоловъ затрогивается неоднократно.

статьѣ: „свв. Кириллъ и Меѳодій“ [1]). Въ томъ же духѣ высказался на юбилейномъ торжествѣ въ Московскомъ университетѣ г. Барсовъ, признавшій житіе Констатина философа русскимъ произведеніемъ XII в. [2]). Годомъ раньше сомнѣнія въ достовѣрности житія были высказаны о. Мартыновымъ въ его изслѣдованіи итальянской легенды [3]). Къ сожалѣнію, со стороны скептиковъ не сдѣлано даже попытки доказать свое мнѣніе [4]). Такимъ образомъ и мнѣніе скептиковъ является въ литературѣ съ тѣмъ-же, даже бо́льшимъ еще, характеромъ субъективности, какъ и изложенное мнѣніе послѣдователей Горскаго. Тѣмъ не менѣе самый фактъ упорнаго существованія „ереси“ въ теченіе десятковъ лѣтъ уже доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, неубѣдительность „ортодоксальнаго“ мнѣнія, побуждая представителей послѣдняго къ бо́льшей внимательности въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію такого благотворнаго вліянія скептическаго направленія не замѣтно въ нашей литературѣ: большинство послѣдователей Горскаго (Дюмлеръ, Вороновъ) развиваетъ свои положенія, мало сообразуясь съ возраженіями скептиковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ невниманіе къ противнику проявляется даже въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ остановиться на сочиненіяхъ проф. Лавровскаго († 1883 г.) и Малышевскаго.

Покойный Лавровскій совсѣмъ не хотѣлъ признавать отмѣченнаго выше разногласія въ оцѣнкѣ пространныхъ житій. По его мнѣнію, „въ главномъ *всѣми* принята мысль (Горскаго) о несомнѣнной древности, обстоятельности въ описаніи и исторической вѣрности, дающихъ право ставить эти житія (пространныя) въ число первоисточниковъ по вопросамъ о жизни и трудахъ Константина и Меѳодія“; последующее время послѣ 1843—50 годовъ, утверждаетъ Лавровскій, новыми открытіями памятниковъ, относящихся къ тѣмъ-же лицамъ, и новыми учеными соображеніями и разъ-

1) Кіевъ 1886 г. (Оттискъ изъ „Тр. Кіевск Д. Ак.“ за 1885 и 1886 гг.).
2) „Новь“ № 11.
3) „Чт. въ Общ. ист. и древн.“, кн. I, стр. 23.
4) „Revue des Questions historiques“, 71-e livr., p. 124.

ясненіями еще болѣе упрочило это положеніе за Паннонскими житіями", такъ что „въ настоящее время сократились *почти до нуля* и *немногія* сомнѣнія и недоразумѣнія, возникшія въ первые годы открытія" памятниковъ „*относительно нѣкоторыхъ частностей*"[1]).—Проф. Малышевскій въ обширномъ изслѣдованіи: „свв. Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе"[2]),—задается цѣлью, между прочимъ, „яснѣе и тверже установить историческую значимость тѣхъ извѣстій „Житій", какія оставались менѣе другихъ уясненными или болѣе другихъ подпали сомнѣніямъ и возраженіямъ относительно исторической достовѣрности ихъ". Это предисловіе возбуждаетъ въ читателѣ надежду, что г. Малышевскій не станетъ замалчивать спорныхъ вопросовъ, какъ его предшественникъ, а постарается выяснить ихъ и, по крайней мѣрѣ, дастъ имъ серьезную постановку. Но смѣло можно сказать, что читателя, приступающаго къ изслѣдованію проф. Малышевскаго съ такими надеждами, ждетъ большое разочарованіе. Почему книга не достигаетъ своей апологетической цѣли, становится понятнымъ по прочтеніи напечатаннаго въ концѣ приложенія: „Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меѳодій". Здѣсь въ доказательство своего положенія, что на малоазійскомъ Олимпѣ, на которомъ и жили, по мнѣнію автора, солунскіе братья, въ IX в. монашество было сильно развито, г. Малышевскій знакомитъ съ житіями нѣкоторыхъ олимпійскихъ подвижниковъ. Этими же памятниками профессоръ пользуется затѣмъ и для того, чтобы подкрѣпить свое убѣжденіе „въ полной исторической достовѣрности Житій во всемъ фактическомъ содержаніи ихъ" и въ томъ, что Житія писаны каждое вскорѣ послѣ кончины одного и другого изъ св. братьевъ[3]). „Въ числѣ

---

[1]) Третья часть изслѣдованія г. Вильбасова, въ которой долженъ быть разборъ пространнаго житія Константина, повидимому, давно готова, но почему-то, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается не напечатанною.

[2]) „Итальянская легенда" въ „Ж. М. Нар. Пр.", ч. CCXLVI, стр. 19.

[3]) Вслѣдъ за проф. Голубинскимъ, авторъ полагаетъ, что „Житіе Константина написано еще при жизни Меѳодія и подъ его руководствомъ".

доказательствъ болѣе поздняго происхожденія (пространныхъ житій), вообще слабыхъ и неопредѣленныхъ, утверждаетъ авторъ,—ставится и то, что Житія эти писаны уже тогда, когда память св. братьевъ чтилась, какъ святыхъ, когда образъ ихъ созерцался на довольно значительномъ отдаленіи, съ чертами легендарнаго свойства и т. п. Но о всѣхъ (?) знаменитѣйшихъ подвижникахъ Олимпа... знаемъ, что Житія ихъ писаны скоро послѣ ихъ кончины ихъ учениками, сподвижниками, друзьями. Тоже знаемъ и о многихъ другихъ подвижникахъ. Почему-бы явилось исключеніе только (?) для свв. Константина и Меѳодія? Въ ихъ дружинѣ и были именно такіе книжные люди, которые способны были сейчасъ же сложить ихъ житія. А необычайность ихъ подвига и служенія развѣ не вызывали на такой трудъ ихъ почитателей и тѣмъ болѣе, что этимъ трудомъ, т. е. описаніемъ жизни и служенія св. братьевъ, требовалось дать назиданіе и утѣшеніе ученикамъ св. братьевъ, оправдать и защитить ихъ дѣло, подвергавшееся нападкамъ при ихъ жизни и послѣ кончины?“ (стр. 477).

Все приведенное разсужденіе представляетъ одно сплошное недоразумѣніе. Проф. Малышевскій не говоритъ, откуда взялъ опровергаемое имъ доказательство поздняго происхожденія пространныхъ житій; вѣроятно, оно должно составлять общее достояніе скептической школы. Дѣйствительно, скептики (напр. Гильфердингъ, Бильбасовъ) относятъ происхожденіе житія Кирилла философа къ тому времени, когда образъ его—скажу словами профессора—„созерцался на довольно значительномъ отдаленіи, съ чертами легендарнаго свойства“, но въ аргументаціи скептиковъ эта характеристика времени происхожденія памятника играетъ роль отнюдь не доказательства, какимъ его представляетъ нашъ авторъ, - а самаго положенія, которое требуется доказать. Вотъ какъ излагаетъ это мнѣніе г. Бильбасовъ: „Чудеса, которыя приписываютъ Константину съ перваго же дня его рожденія, чудесные сны, которые онъ видитъ, притчи, которыя влагаются ему въ уста, наконецъ все построеніе житія очевидно указываютъ“ (иначе говоря, служатъ доказательствомъ того мнѣнія), что пространное житіе „составлено въ то время, когда жизнь

и дѣятельность Кирилла облеклась уже въ образъ легенды"[1]). Разница между подлинно скептическимъ мнѣніемъ и передачею его нашимъ авторомъ оказывается весьма существенная: въ сочиненіи проф. Малышевскаго оно теряетъ свой первоначальный смыслъ и пріобрѣтаетъ характеръ логической несообразности (petitio principii), которой въ подлинникѣ не замѣтно. Подлинно-скептическое мнѣніе требовало возраженій не въ приложеніи, а въ самой біографіи Кирилла и Меѳодія. Здѣсь, „яснѣе и тверже устанавливая историческую значимость тѣхъ извѣстій „Житій", какія оставались менѣе другихъ уясненными или болѣе другихъ подпали сомнѣніямъ и возраженіямъ относительно исторической достовѣрности ихъ", авторъ долженъ былъ имѣть его постоянно въ виду, какъ руководство для наиболѣе цѣлесообразнаго употребленія и направленія бывшаго въ его рукахъ историческаго матеріала. При такой постановкѣ вопроса произведеніе проф. Малышевскаго могло бы получить огромное значеніе въ кирилломеѳодіевской литературѣ, но къ сожалѣнію самъ авторъ испортилъ дѣло, направивъ свою эрудицію не туда, куда слѣдовало. Здѣсь не мѣсто доказывать, что усилія его защитить и подкрѣпить историческую значимость отдѣльныхъ извѣстій житія, наиболѣе подвергающихся „навѣтамъ скептиковъ", благодаря невниманію къ этимъ навѣтамъ, въ большинствѣ случаевъ не достигаютъ цѣли[2]). — Но посмотримъ еще, какимъ образомъ авторъ эксплоатируетъ въ свою пользу житія олимпійскихъ подвижниковъ. Что собственно доказываютъ эти житія? Доказываютъ, что житія святыхъ иногда пишутся современниками послѣднихъ и что къ категоріи такихъ житій могутъ быть отнесены и житія славянскихъ апостоловъ, тѣмъ болѣе, что для написанія ихъ современниками были свои особенно благопріятныя условія. Но доказывать этого не было ни малѣйшей надобности. Ни одинъ

---

1) „Кириллъ и Меѳодій", ч. II, стр. 14.

2) И сторонникъ г. Малышевскаго, проф. Пальмовъ, въ своей обширной рецензіи на его сочиненіе замѣчаетъ, что „не со всѣми предположеніями и частными мнѣніями, даже нѣкоторыми выводами и обобщеніями автора можно соглашаться". Хр. Чтеніе, 1888 г., 2 полуг. стр. 248.

изъ скептиковъ еще не отрицалъ возможности составленія житій славянскихъ апостоловъ ихъ современниками; споръ идетъ о дошедшей до насъ редакціи этихъ житій и при томъ особенно житія Константина фисософа [1]). Стало быть, авторъ опять опровергаетъ свое собственное возраженіе вмѣсто возраженія скептиковъ. Ему могли бы помочь и житія олимпійскихъ подвижниковъ, если бы онъ доказалъ, что во 1-хъ, они дѣйствительно принадлежатъ современникамъ описанныхъ въ нихъ лицъ и, во-2-хъ, несмотря на то, заключаютъ въ себѣ тѣже черты, которыя составляютъ особенность пространнаго житія и, по мнѣнію скептиковъ, служатъ признакомъ его позднѣйшаго происхожденія. Но проф. Малышевскій ограничился ссылкой на безспорный фактъ существованія въ агіологической литературѣ житій святыхъ, написанныхъ ихъ современниками и тѣмъ доказалъ только... непостижимое невниманіе къ опровергаемому мнѣнію.

Тѣже доказательства, что̀ во времена первоначальнаго обсужденія выводовъ Горскаго, тѣже научные пріемы видимъ и въ современныхъ изслѣдованіяхъ поднятаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вопроса, но за то видимъ и тѣже сомнѣнія, тѣже разногласія. По существу положеніе вопроса мало измѣнилось за протекшій періодъ его научной разработки, и въ настоящее время онъ почти такъ же далекъ отъ окончательнаго своего разрѣшенія, какъ и въ изслѣдованіи Горскаго. Такая безуспѣшность усилій многихъ авторитетныхъ ученыхъ находитъ объясненіе свое въ томъ, что досихъ поръ изслѣдователи не хотятъ обратить должнаго вниманія на пространныя житія въ полномъ ихъ составѣ, ограничиваясь доказательствами „исторической значимости“ отдѣльныхъ извѣстій. Конечно достовѣрность изслѣдованныхъ извѣстій житія свидѣтельствуетъ объ историческомъ характерѣ послѣдняго, но отсюда еще далеко до заключе-

---

[1]) Въ доказательство снова сошлемся на г. Бильбасова. Напр., онъ говоритъ о житіи Константина, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось и въ какомъ его разсматриваетъ А. Викторовъ, оно несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Итальянская легенда („Кириллъ и Меѳодій“ II, стр. 14). Не ясно ли отсюда, что г. Бильбасовъ признаетъ и болѣе раннее существованіе житія, но только въ другомъ видѣ?

нія о достовѣрности всего памятника въ его цѣломъ; равнымъ образомъ, несомнѣнно, что достовѣрныя сообщенія житія ведутъ свое начало со временъ самихъ солунскихъ братьевъ, но, конечно, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права заключить отсюда, что и все житіе въ настоящей его редакціи столь-же древне. Вообще научный разборъ отдѣльныхъ извѣстій житія не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для вопроса о происхожденіи памятника. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только литературнымъ анализомъ памятника. Мы согласимся только съ тѣмъ рѣшеніемъ его, которое будетъ основано на тщательномъ сравнительномъ изученіи стиля, литературныхъ формъ современныхъ житіямъ литературныхъ произведеній одного съ ними типа. Однако въ настоящее время трудно рѣшиться на такое литературно-критическое изслѣдованіе пространныхъ житій. Кирилло-меѳодіевская критика, при ближайшемъ и возможно безпристрастномъ знакомствѣ съ ея конечными выводами, оказывается далеко неподготовленною къ этой трудной работѣ [1]). Въ ней мы не находимъ отвѣтовъ на два вопроса, необходимыхъ для болѣе правильной постановки намѣченной историко-литературной задачи: во-1-хъ, кирилло-меѳодіевская литература, при всей своей обширности, все-таки не заключаетъ еще въ себѣ достаточно полнаго историческаго комментарія къ содержанію пространныхъ житій; во-2-хъ, мы до сихъ поръ еще не знаемъ общихъ условій зарожденія кирилло-меѳодіевской литературы, даже самаго главнаго изъ нихъ—исторіи канонизаціи слав. апостоловъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы постараемся рѣшить второй вопросъ и коснемся нѣсколько перваго.

II.

Въ 1863 г. покойнымъ Лавровскимъ подробно была развита мысль, что „не раньше конца XIV ст. явилась пер-

---

[1]) Ср. г. Попруженко „Кирилло-меѳодіевскіе вопросы" въ „Лѣтописи Ист.-филол. Общ. при Новоросс. университ." (Вып 2. Одесса, 1890 г., стр. 62).

вая попытка церкви латинской, и то лишь въ самой ограниченной мѣстности, въ епископствѣ моравскомъ, установить церковныя воспоминанія объ истинныхъ просвѣтителяхъ Моравіи“ [1]). По мнѣнію автора „высокіе подвиги христіанскихъ добродѣтелей, какими исполнена вся жизнь славянскихъ просвѣтителей и по описанію современниковъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, даже подъ перомъ благоговѣйныхъ поклонниковъ Рима, напримѣръ, жизнеописателя Мееодіева, составителя легенды моравской, Анастасія Библіотекаря и др. и по укоренившемуся преданію, не замедлившему въ самое короткое время возвысить обоихъ братьевъ въ разрядъ прославленныхъ святыхъ, — слѣдовало бы ожидать, что и сама церковь (западная) почтитъ ихъ памятью и внесетъ хотя только въ списокъ, въ святцы празднуемыхъ святыхъ. Вмѣсто сего встрѣчаемъ мы, напротивъ, въ теченіе X, XI и XII вѣковъ лишь усиливающееся порицаніе солунцовъ, оскорбленіе ихъ памяти и отчисленіе устами представителей церкви западной въ составъ отверженныхъ еретиковъ“ (стр. 566—7). Эти слова заключаютъ въ себѣ крупное недоразумѣніе, которое остается невыясненнымъ и въ настоящее время. Тоже самое Лавровскій повторилъ и въ упомянутомъ изслѣдованіи итальянской легенды [2]). Для разбора мнѣнія воспользуемся изложеніемъ его въ статьѣ Первольфа: „Славянскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ“ [3]). „Не всѣ папы были Адріаны II и Іоанны VIII, говоритъ онъ,—уже по смерти послѣдняго папская курія стала смотрѣть на словѣнскій языкъ въ церкви съ точки зрѣнія ла-

---

[1]) „Кириллъ и Мееодій“, Харьковъ. 1863 г., стр. 567.

[2]) „Первое побужденіе придти къ сомнѣнію на счетъ дѣйствительности составленія легенды авторомъ жизнеописанія или исторіи св. Климента.. можетъ до нѣкоторой степени усилиться и общимъ соображеніемъ объ отношеніи Рима къ славянскимъ просвѣтителямъ во время жизни послѣднихъ“ (Ж. М. Нар. Просв., 1886 г., іюль. стр. 260). И дальше: „Презрительное отношеніе Рима къ главнѣйшему подвигу солунцевъ, къ переводу Св Писанія на славянскій языкъ и къ введенію славянскаго богослуженія... выразилось не только въ запрещеніяхъ и преслѣдованіяхъ, но и въ проклятіи виновниковъ (обоихъ?) церковной новизны на западѣ“ (261).

[3]) „Мееодіевскій Сборникъ“. Варшава, 1885 г , стр. 114.

тино-нѣмецкихъ и латино-итальянскихъ епископовъ и начала его преслѣдовать во всѣхъ подвластныхъ ей областяхъ въ Хорватіи, и въ Чехіи, въ Угріи, и въ Польшѣ. Понятно, что досталось и виновникамъ (обоимъ, значитъ) словѣнскаго богослуженія и неудивительно, что, наконецъ, Меѳодій, — котораго еще папа Іоаннъ въ 880 г. называетъ in omnibus ecclesiasticis doctrinis orthodoxum — прослылъ у латиноитальянскаго духовенства въ Далмаціи уже въ XI в. еретикомъ и лгуномъ, такъ что ради спасенія словѣнскаго языка и письма въ Хорватіи надо было прибѣгнуть къ помощи св. Іеронима и ему приписывать изобрѣтеніе словѣнскаго письма. Но не всѣ Хорваты раздѣляли этотъ взглядъ римской куріи (?) и латинско-далматинскихъ епископовъ на Меѳодія и его брата Константина (?!!); такъ Діоклейскій попъ, лѣтописецъ въ половинѣ XII в. называетъ Константина „vir sanctissimus".

Въ изложеніи Первольфа внутренняя несостоятельность интересующаго насъ мнѣнія, наглядно проявляется въ формальной, логической несообразности. Отношенія латинской церкви къ памяти Константина философа характеризуются въ приведенной цитатѣ лишь одной выпиской изъ лѣтописи діоклейскаго священника, рѣзко противоположной заключеніямъ автора. На какомъ же основаніи Первольфъ подводитъ подъ отношенія „римской куріи и латинско-далматинскихъ епископовъ" къ Меѳодію и Константина философа? Не только въ приведенной цитатѣ, но и во всей статьѣ покойнаго профессора нѣтъ этихъ основаній; нѣтъ основанія и для того раздѣленія, которое нашъ авторъ проводитъ между показаніями сплѣтскаго архидіакона и діоклійскаго священника, придавая засвидѣтельствованному первымъ оскорбленію памяти Меѳодія общее значеніе и принимая выраженное вторымъ уваженіе къ памяти Кирилла только въ смыслѣ частнаго случая, составляющаго рѣзкое исключеніе въ общей картинѣ враждебнаго отношенія католическаго запада къ памяти славянскихъ первоучителей? По наведеніи исторической справки въ документахъ, оказывается, что свидѣтельство Ѳомы, по своему возмутительно-рѣзкому тону, остается покамѣстъ единственнымъ памятникомъ враж-

дебныхъ отношеній католическаго міра къ памяти моравскаго святителя, а благоговѣйное отношеніе Рима къ памяти Кирилла философа засвидѣтельствовано, кромѣ дуклянской лѣтописи, во многихъ еще другихъ памятникахъ. Сопоставленіе съ документами показываетъ, что разбираемое заключеніе Первольфа и Лавровскаго стоитъ особнякомъ отъ фактовъ и въ основаніи своемъ имѣетъ предвзятую, совершенно неосновательную мысль, будто съ перемѣною дружественныхъ отношеній римской куріи къ славянскому богослуженію должны были перемѣниться отношенія ихъ и къ памяти Кирилла философа. Нѣтъ, измѣнились отношенія Рима къ одному только Меѳодію: съ Кирилла римская курія поспѣшила снять отвѣтственность за происхожденіе славянскаго богослуженія, какъ скоро послѣднее перестало пользоваться ея покровительствомъ. Какъ Іеронимъ сталъ изобрѣтателемъ славянской азбуки вмѣсто Меѳодія, такъ и Меѳодій замѣнилъ въ этой роли Кирилла философа, съ той лишь разницей, что къ помощи перваго пришлось прибѣгнуть для спасенія славянской письменности, а Меѳодій понадобился, чтобы предохранить память Кирилла отъ тѣхъ порицаній, которыя стало вызывать его произведеніе со стороны римской куріи. Впрочемъ, употребленіе славянскаго языка въ церки было запрещено не сразу; не сразу установилось на западѣ и мнѣніе объ изобрѣтеніи письменъ Меѳодіемъ, а не Кирилломъ.

Обращаетъ на себя вниманіе, какъ чутко отзывались на рѣшеніи второго вопроса колебанія римской куріи въ отношеніяхъ къ славянскимъ богослужебнымъ книгамъ, пока папа Стефанъ VI не запретилъ ихъ окончательно. Іоаннъ VIII, когда упрекаетъ Меѳодія въ служеніи in barbara hoc est in sclavina lingua, ни слова не говоритъ о происхожденіи славянской письменности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Константинѣ философѣ. Черезъ годъ Іоаннъ разрѣшилъ употребленіе въ церкви славянскихъ книгъ; на этотъ разъ онъ уже не забылъ отмѣтить, что письменность изобрѣтена „извѣстнымъ Константиномъ философомъ“. Точно также предшественникъ Іоанна, папа Адріанъ II въ своемъ письмѣ къ славянскимъ князьямъ разрѣшаетъ служить пославянски, „якоже есть

философъ Константинъ началъ божіею благодѣтію и за св. Климента молитвы"; между тѣмъ папа Стефанъ VI въ своей знаменитой буллѣ, снова запрещавшей славянское богослуженіе, не только ни слова не говоритъ о Константинѣ философѣ, но даже утверждаетъ, вопреки свидѣтельству Адріана, что служить на славянскомъ языкѣ началъ Меѳодій. Умалчиваетъ о главномъ виновникѣ происхожденія славянскихъ богослужебныхъ книгъ и зальцбургскій меморандумъ [1]). Отмѣченное совпаденіе не можетъ быть объяснено случайностью. Внутренній смыслъ его раскрывается въ тѣхъ многочисленныхъ выраженіяхъ симпатіи и благоговѣнія къ памяти Кирилла философа со стороны католической церкви, о которыхъ намъ говорятъ Анастасій Библіотекарь, авторы пространнаго житія и латинской легенды, священныя изображенія въ римской базиликѣ св. Климента и позднѣйшіе письменные памятники (въ томъ числѣ дуклянская лѣтопись). Буллою папы Стефана былъ положенъ конецъ славянскому богослуженію. Въ тоже время въ оффиціальныхъ западныхъ сферахъ была порвана всякая связь его съ Константиномъ философомъ. Славянская богослужебная письменность, переведенная съ православныхъ (еретическихъ для католика) книгъ восточной церкви, съ этого времени постепенно начинаетъ отождествляться съ готскою аріанскою письменностью и въ качествѣ таковой уже вездѣ приписывается не Кириллу, а Меѳодію; вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется взглядъ и на Меѳодія, какъ на „еретика".

Папа говоритъ въ своей буллѣ, что былъ очень удивленъ, услыхавъ о тяжкихъ преступленіяхъ Меѳодія, въ которыхъ обвиняютъ его доносчики. Повѣримъ ли мы въ искренность этого заявленія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ должны принять его къ свѣдѣнію при выясненіи папскихъ отношеній къ памяти какъ одного, такъ и другого первоучителя славянскаго. Доносъ на Меѳодія поразилъ папу

---

[1]) Соотвѣтствующія выписки изъ документовъ см. въ вышеупомянутой статьѣ Первольфа, гл. 3, и въ изслѣдованіи проф. Будиловича: „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ Кирилла и Меѳодія", стр. 86—88. (Въ „Меѳодіевскомъ Сборникѣ" 1885 г. и отдѣльно). Тамъ указаны и полныя изданія цитуемыхъ памятниковъ.

своею неожиданностью, новостью взводимыхъ на моравскаго святителя обвиненій. Вѣдь если римская курія возвела Меѳодія въ епископскій санъ,—значитъ, онъ былъ достоинъ этого. Теперь епископъ обвиняется въ тяжкихъ преступленіяхъ; значитъ, онъ въ послѣдствіи сбился съ пути истиннаго. Осуждаемое теперь міровоззрѣніе Меѳодія, его строптивость отнюдь не составляли его всегдашней принадлежности, а усвоены святителемъ лишь въ послѣднее время; потому-то они привели папу въ удивленіе. Что это такъ, ясно видно изъ отношеній Рима къ памяти меѳодіева брата: римская курія всегда относилась и теперь относится съ благоговѣніемъ къ памяти Константина, какъ добраго католика, жившаго и скончавшагося въ полномъ согласіи съ римскою церковью.—Вотъ обратная сторона выставленныхъ папою обвиненій противъ Меѳодія, послужившихъ исходнымъ пунктомъ для преслѣдованій святителя въ западной церкви. Съ раскрывающейся здѣсь точки зрѣнія перемѣна славянской политики въ Римѣ должна была не ослабить, а, наоборотъ, усилить добрыя отношенія куріи къ памяти Константина. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ новая славянская политика привела римскую курію даже къ канонизаціи славянскаго первоучителя. Чествованіе памяти Кирилла философа въ римской церкви самымъ положительнымъ образомъ засвидѣтельствовано въ пространномъ житіи первоучителя. Здѣсь говорится, что вскорѣ послѣ погребенія философа въ римской церкви св. Климента на его гробницѣ стали совершаться чудеса, видя которыя „Римляне болѣ ся приложиша святыни его и чести и написавше икону его надъ гробом, начаша свѣтити над ним день и нощь, хвалящо Бога, прославляющаго тако, иже й славятъ“ [1]). Это свидѣтельство, нисколько не противорѣчащее нашимъ свѣдѣніямъ объ отношеніяхъ Рима къ памяти Кирилла философа, находитъ себѣ полное подтвержденіе также въ вещественныхъ памятникахъ, открытыхъ археологами въ климентовой базиликѣ. На стѣнахъ этого храма сохранилась древняя фресковая живопись; между изображеніями X—XII вв. нѣсколько изображеній археологи относятъ и къ

[1]) Fontes rerum bohemicarum. Praha. 1871 г., ч. I, стр. 38.

Кириллу философу. На одномъ изъ нихъ сохранилась надпись: A (ἅγιος) CIRIL—которая, въ связи съ археологическими подробностями изображенія, заставляетъ насъ признать въ изображенномъ святомъ славянскаго первоучителя. На картинѣ представлена такая сцена: стоитъ князь, а передъ нимъ, опустившись на колѣна, стоитъ духовное лицо, въ греческихъ одеждахъ, съ бородою; вокругъ головы нимбъ — принадлежность святого. Князь дѣлаетъ рукою движеніе по направленію къ нѣсколькимъ лицамъ, стоящимъ передъ нимъ за колѣнопреклоненною фигурою святого. По толкованію Росси на картинѣ представлено отправленіе Кирилла въ Моравію императоромъ Михаиломъ.

Мы не имѣемъ основаній отвергать историческую достовѣрность обоихъ указанныхъ свидѣтельствъ и на основаніи ихъ утверждаемъ, что вскорѣ послѣ кончины Кирилла философа въ Римѣ началось чествованіе памяти славянскаго первоучителя, какъ святого. Впрочемъ, оно продолжилось очень недолго, такъ что къ XIV в., когда въ римской церкви снова началось чествованіе обоихъ славянскихъ учителей, о древнемъ культѣ св. Кирилла, по видимому, не сохранилось и воспоминаній [1]).

Непродолжительность начатаго въ Римѣ чествованія славянскаго святого позволяетъ догадываться, что началомъ своимъ оно обязано не столько религіозному чувству римскихъ почитателей Кирилла, сколько политическимъ соображеніямъ: учрежденіемъ религіознаго культа славянскаго святого въ своей столицѣ римская церковь хотѣла расположить къ себѣ Моравію и тѣмъ отвлечь ее отъ Византіи. Это соображеніе

[1]) „Недавно открытыя на мѣстѣ погребенія св. Кирилла, въ древней подземной церкви св. Климента фрески, относимыя къ IX—XI вѣкамъ, подтверждая многіе факты изъ исторіи Кирилла и Мееодія, между прочимъ важны и какъ памятники того, что въ ближайшій періодъ по смерти св. Первоучителей, въ Римѣ они (оба?) чествовались и признавались святыми". (Вороновъ „Кириллъ и Мееодій", стр. 308—9). Покойный профессоръ также не хотѣлъ раздѣлять святую двоицу ни въ ихъ радостяхъ, ни въ печаляхъ. Сказавъ о прославленіи *обоихъ* братьевъ въ Римѣ, на слѣдующей странницѣ онъ, согласно съ Лавровскимъ, утверждаетъ, что „скоро по смерти св. Мееодія память ихъ (обоихъ?) стала покрываться забвеніемъ, даже *намѣренным пренебреженіемъ и униженіемъ*". (стр. 310).

даетъ намъ возможность установить довольно точно хронологію разбираемаго событія. Въ 907 году Моравія потеряла свою политическую самостоятельность, и съ этого времени, впредь до вторичнаго возрожденія, ея вліяніе на дѣятельность римской куріи прекратилось. Поэтому 907 годъ является крайнимъ предѣломъ того періода, къ которому слѣдуетъ отнести начало чествованія Кирилла философа въ Римѣ; съ другой стороны предѣломъ является годъ смерти Меѳодія (885). Въ папскихъ буллахъ, въ бумагахъ Анастасія мы не видимъ еще признаковъ кононизаціи Кирилла; она должна была совершиться или во время реакціи, наступившей сряду послѣ смерти Меѳодія или—что вѣроятнѣе—при возобновленіи моравской епархіи, закрывшейся—было съ перемѣщеніемъ еп. Вихинга на Пассаускую каѳедру и затѣмъ съ лишеніемъ его святительскаго сана.

Въ 885 г. память объ обоихъ братьяхъ была еще такъ свѣжа въ народѣ, что слишкомъ усердное проведеніе папскихъ плановъ могло представлять для Рима и его представителей въ Моравіи серьезную опасность. Въ этомъ отношеніи болѣе благопріятныя условія для кононизаціи представляло возстановленіе мораво-паннонской церкви папою Іоанномъ IX въ 899 или 900 г. Хотя со времени кончины Меѳодія прошло только 15 лѣтъ, однако въ этотъ короткій промежутокъ времени произошло многое, что должно было ослабить энергію почитателей Кирилла и Меѳодія. Этому способствовало больше всего изгнаніе изъ Моравіи ближайшихъ учениковъ Меѳодія; подверглись изгнанію, конечно, болѣе рѣшительные защитники православія, славянскихъ книгъ и самого Меѳодія. Борьба съ внѣшними врагами, а по смерти Святополка (894 г.) и внутренняя борьба между его двумя сыновьями отвлекали вниманіе моравянъ отъ церковныхъ дѣлъ, а между тѣмъ нѣмецкое духовенство, водворившееся въ Моравіи по смерти Меѳодія, старалось внушить своей паствѣ мысли, намѣченныя въ посланіи папы Стефана; конечно, теперь эти мысли излагались въ болѣе ясной, развитой формѣ.

Съ 892 или 893 года Вихинга, (преемника св. Меѳодія) повидимому, не было въ Моравіи; съ этого времени онъ

занималъ у Арнульфа, злѣйшаго врага моравскаго князя, должность канцлера; за тѣмъ въ 899 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ пассаускимъ, и въ томъ же году смѣщенъ съ каѳедры. Все это время, послѣ удаленія Вихинга изъ Моравіи до 899 г., мораво-паннонская церковь de facto находилась безъ епископа. Положеніе ея было весьма опасно, угрожая ей возвращеніемъ прежней зависимости отъ нѣмецкихъ епископовъ. Поэтому Моймiръ II сталъ хлопотать у папы въ 899 г. о поставленіи преемника Вихингу и даже, вѣроятно, больше—о такомъ устройствѣ моравской церкви, которое вполнѣ обезпечивало бы ея самостоятельное существованіе. Конечно, Моймiръ долженъ былъ знать, что еще папа Іоаннъ VIII при посвященіи Вихинга въ суфраганы Меѳодія, выражалъ согласіе посвятить для него и другого суфрагана, чтобы дать ему возможность посвящать кандидатовъ не только на низшія священно-служительскія должности, но и въ епископскій санъ[1]). Іоаннъ IX послалъ въ Моравію легатовъ, которые посвятили для моравской церкви архіепископа и двухъ епископовъ. Такимъ образомъ моравская церковь была вполнѣ организована (въ 899 или 900 г.).

Было ли возстановлено въ ней славянское богослуженіе, прекратившееся послѣ смерти Меѳодія? По всей вѣроятности, не было. Неумѣстность въ римской церкви славянскаго богослуженія, ведущаго свое начало съ востока, успѣла достаточно выясниться для римской куріи со времени папъ Адріана II и Іоанна VIII, такъ что теперь она едва ли стала бы повторять „ошибку“ послѣднихъ. Да по всей вѣроятности къ тому и надобности не представлялось. Упорное

---

[1]) Ipsum quoque presbiterum, nomine Vichinum, quem nobis direxisti, electum episcopum consecravimus sanctae ecclesiae Nitrensis;... volumus, ut pariter cum ipsius archiepiscopi consensu et providentia et alterum nobis apto tempore utilem presbiterum vel diaconum dirigas, quem similiter in alia ecclesia in qua episcopalem curam noveris esse necessariam, ordinemus episcopum; ut cum his duobus a nobis ordinatis episcopis praefatus archiepiscopus vester, juxta decretum apostolicum, per alia loca, in quibus episcopi honorifice debent et possunt exsistere, postmodum valeat ordinare.— Изъ письма п. Іоанна VIII къ Святополку, отъ 880 г. Ginzel „Geschichte d. Slawenapostel Cyrill und Method“. Wien 1861. Codex, p. 61.

противодѣйствіе Святополка Меѳодію въ его стараніяхъ дать моравской церкви народный характеръ и, въ частности, противъ введенія въ богослуженіе народнаго языка, — наглядно показываетъ, что идея народной церкви не пользовалась успѣхомъ при моравскомъ дворѣ. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы и Моймиръ принялъ эту идею близко къ сердцу и настойчиво сталъ ее защищать передъ папою. Что-же касается народа, дѣйствительно заинтересованнаго въ возобновленіи славянскаго богослуженія, то въ 899 г. его желанія можно было игнорировать еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ 885 г. На всякій случай, въ объясненіяхъ съ народомъ могли пригодиться мысли Стефана, что славянское богослуженіе введено было съ нарушеніемъ церковныхъ законовъ и потому послѣ было запрещено римской куріей; кто дерзнетъ снова служить по славянскимъ книгамъ, тотъ окажется такимъ-же клятвопреступникомъ, какъ и Меѳодій, который какъ бы отъ лица всей паствы клялся на мощахъ ап. Петра прекратить славянское богослуженіе. Меѳодій, мало того, что нарушилъ клятву—даже совратился въ ересь; поэтому онъ не можетъ быть признанъ учителемъ славянскаго народа. Истинный учитель славянъ, это—Кириллъ. Кириллъ никогда не распространялъ никакихъ лжеученій, никогда не враждовалъ противъ римской церкви, не нарушалъ ея правъ, какъ Меѳодій. Поэтому римская церковь всегда относилась къ его памяти съ благоговѣніемъ и теперь даже причисляетъ его къ лику святыхъ. Это вниманіе папы къ славянской церкви должно было вознаградить ее за утрату своей самобытности.

Возстановленная папою Іоанномъ IX славянская церковь утратила свой народный характеръ, и новоканонизованный святой въ латинскихъ святцахъ пересталъ быть истиннымъ народнымъ учителемъ. Римская курія лишила Константина самаго крупнаго изъ его подвиговъ—созданія народной славянской письменности и введенія народнаго славянскаго языка въ церковное употребленіе. Взамѣнъ этого она надѣлила его католическимъ ученіемъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и саномъ епископа. Вѣроятнѣе всего, что теперь именно, при возстановленіи славян-

ской церкви и при канонизаціи Константина, была впервые пущена въ обращеніе мысль о посвященіи философа въ Римѣ, не задолго до смерти, въ епископскій санъ. Конечно, св. Кириллъ съ большимъ достоинствомъ могъ занять первое мѣсто въ спискѣ моравскихъ епископовъ, чѣмъ „еретикъ" Меѳодій. Папскіе легаты могли при этомъ объяснить недовольнымъ реформой, что моравская церковь возстановляется теперь именно по первоначальному плану, составленному Адріаномъ II и Константиномъ и потомъ искаженному Меѳодіемъ.

Таковы условія канонизаціи Константина философа, послужившей поводомъ къ составленію латинскаго житія его.

III.

Возникновеніе чествованія памяти славянскихъ первоучителей въ славянской церкви не требуетъ для своего объясненія никакихъ политическихъ соображеній. Чтобы понять его, достаточно вникнуть въ душевное настроеніе ближайшихъ учениковъ и послѣдователей Кирилла и Меѳодія, вызванное разгромомъ славянской церкви въ Моравіи по смерти Меѳодія. Житіе Климента картинно представляетъ намъ страданія вѣрныхъ учениковъ свв. братьевъ, которымъ они подверглись въ Моравіи за то, что не хотѣли примириться съ новыми порядками въ моравской церкви, не захотѣли вмѣстѣ съ врагами славянскаго міра попирать ногами память только что почившаго моравскаго святителя. Изнуренные голодомъ и побоями преемники первоучителей были, наконецъ, изгнаны изъ Моравіи и разошлись по разнымъ странамъ, „по божьему изволенію, прибавляетъ авторъ, — чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія" [1]). До насъ дошли свѣдѣнія о просвѣтительной дѣятельности моравскихъ изгнанниковъ только

---

[1]) Гл. 11—14. Бильбасовъ „Кириллъ и Меѳодій". Ч. II, стр. 287 — и 9 353—6.

въ Болгаріи. Продолженіе трудовъ первоучителей стало для нихъ теперь цѣлью жизни. „Шествую нынѣ по слѣду учителю, прямо заявляетъ одинъ изъ нихъ въ своемъ произведеніи,—имени ею (Кирилла и Меѳодія) и дѣлу послѣдуя“ [2]). Грубому болгарскому народу, какъ о немъ отзывается біографъ еп. Климента, были недоступны литературные труды первоучителей въ ихъ чистомъ видѣ; по этому, Константинъ, повидимому, задается цѣлью приблизить ихъ къ младенческому пониманію своей паствы, и вотъ онъ составляетъ учительное евангеліе, заключающее въ себѣ толкованіе высокихъ евангельскихъ истинъ; чтобы облегчить болгарскимъ школьникамъ усвоеніе составленнаго Первоучителемъ алфавита, составляетъ такъ называемую толковую азбуку, т. е. стихотвореніе, стихи котораго въ своихъ заглавныхъ буквахъ представляютъ азбуку [1]). Въ одно

---

[2]) Молитва Константина философа сътворена азбукою. Антоній „Изъ исторіи христ. проповѣди“. *СПБ.* 1892 г., стр. *149* и 173. Обыкновенно въ словахъ: „имени..... послѣдуя“ видятъ указаніе на сопменничество автора „Молитвы“ съ первоучителемъ Константиномъ; но такому пониманію противорѣчитъ слѣдующее за словомъ „имени“ мѣстоименіе „ею“ двойственное число котораго заставляетъ относить его къ обоимъ братьямъ; не согласна съ нимъ и приписка къ переводу словъ Аѳанасія противъ Арія, въ которой Константинъ епископъ называетъ себя ученикомъ не Константина, а Меѳодія.—Нельзя ли подъ „именемъ“ разумѣть названіе „учителя“, которое принадлежало обоимъ братьямъ и по всей справедливости могло быть перенесено на ближайшихъ преемниковъ ихъ? Съ именемъ *учителя*, какъ и съ именемъ философа, въ древности, вѣроятно, соединялось болѣе опредѣленное представленіе, чѣмъ въ настоящее время. Вспомнимъ нареченіе славянскимъ учителемъ Кирилла философа, разсказанное въ *проложномъ* его житіи. (*Прологъ, сентябрьская половина, подъ* 14 *февраля*. Поповъ „Изборн. слав.-русск. статей, внесенныхъ въ хроногр. русск. ред.“ М. 1869 г., прим. на стр. 137—8).

[1]) Славянская толковая азбука Константина епископа, называвшаяся, по своему содержанію, грамотой литицей, т. е. молитвой (λιτήξιος), составлена была по образцу греческихъ. На греческомъ языкѣ одна такая азбука, между прочимъ, принадлежитъ Григорію Богослову (Migne. Patrol. cursus compl. Series gr., t. 37, p. 907). Можно догадываться, что толковыя азбуки, столь распространенныя въ послѣдующее время, назывались первоначально азбуками-границами (Геннадій Новгородскій († 1504 г) *въ посланіи къ митрополиту Симону*) и примѣнялись въ качествѣ букварей къ школьному дѣлу. Эта мысль подробнѣе развита нами въ замѣткѣ: „Къ исторіи букваря“, напечатанной въ апрѣльской кн. „Русской Школы“.

время съ Константиномъ еп. Климентъ, поставившій въ образецъ себѣ великаго Меѳодія, составлялъ на всѣ праздники поучительныя слова, на столько простыя и ясныя, чтобы они были понятны каждому болгарину. Къ сожалѣнію не сохранилось извѣстій о дѣятельности прочихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что ревностные труды ихъ не пропали даромъ: имъ то славянскій міръ обязанъ тѣмъ „разцвѣтомъ“ славянской письменности въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ († 927 г.), который на долгія времена послужилъ источникомъ просвѣщенія не одной Болгаріи.

Продолжая просвѣтительные труды первоучителей, вѣрные ученики ихъ позаботились также сохранить для потомства памать объ ихъ подвигахъ, объ ихъ заслугахъ для славянъ и для православной церкви. Немногочисленныя, но совершенно ясныя указанія на эту сторону дѣятельности моравскихъ изгнанниковъ имѣются въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ. Одинъ изъ представителей слѣдующаго поколѣнія, которое не видало уже самихъ Первоучителей, но застало еще въ живыхъ очевидцевъ ихъ апостольскихъ трудовъ, съ гордостью говоритъ, что въ его время каждый славянскій школьникъ имѣлъ историческія и хронологическія свѣдѣнія о составленіи Кирилломъ и Меѳодіемъ азбуки и переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ [1]). Откуда же взялись эти свѣдѣнія въ школѣ? По всей вѣроятности, они были введены съ систему школьнаго преподаванія первыми послѣдователями славянскихъ

---

[1]) „Аще бо въпросиши книгьчия гръчьскыя, глаголя: кто вы есть письмена створилъ или книгы прѣложилъ, или въ кое врѣмя?—то рѣдціи отъ нихъ вѣдять. Аще ли въпросиши словѣнскыя букаря, глаголя: „кто вы письмена створилъ есть или книгы прѣложилъ?—то вьси вѣдять и отвѣщавше рекуть: „святыи Костантинъ философъ, нарицаемый Кирълъ, т. намь писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его“. И аще въпросиши въ кое врѣмя?—то вѣдять и рекуть, яко во врѣмена Михаила, царѣ гръчьскаго, и Бориса князя блъгарска, и Растица князя Моравска и Коцелѣ князя Блатенска, въ лѣта же отъ създанія въсего мира ЅТ҃ЗГ . Сказаніе Храбра печаталось много разъ; мы цитуемъ его по изданію Калайдовича въ изслѣдованіи его: „Іоаннъ экзархъ Болгарскій“. М. 1824 г.) стр. 191.

апостоловъ на поприщѣ славянскаго просвѣщенія. Можно догадываться даже, что они записаны въ сказаніи „О письменѣхъ“ именно въ той самой формѣ, въ какой предлагались ученикамъ древне-славянской школы. Черноризецъ Храбръ, какъ ученый для своего времени человѣкъ и монахъ, по всей вѣроятности, занимался обученіемъ славянскаго юношества и въ своемъ произведеніи сохранилъ одну любопытную подробность современныхъ школьныхъ порядковъ. Отмѣченная имъ черта древне-болгарской школы впослѣдствіи перешла и въ русскую школу, гдѣ поддерживалась очень долго. Вспомнимъ древне-русскіе учебные часословы, псалтыри и другія школьныя книги, въ которыхъ обыкновенно сообщались историческія свѣдѣнія о происхожденіи славянской грамоты, на основаніи храброва же сказанія „О письменѣхъ“, или цѣликомъ помѣщалось самое сказаніе.—Но, конечно, во времена Храбра записанныя имъ свѣдѣнія дополнялись устными разсказами о жизни и дѣятельности Первоучителей. Современникъ его, болгарскій экзархъ Іоаннъ, разсказываетъ въ предисловіи къ переводу соч. Іоанна Дамаскина, что онъ „многажды“ слышалъ разсказы о просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ; изъ его словъ видно также, что разсказы эти производили на слушателей весьма сильное впечатлѣніе [1]). Мудрено-ли, если разсказчиками были тѣ преданные послѣдователи славянскихъ апостоловъ, которые сами были очевидцами и участниками если не всѣхъ, то главнѣйшихъ подвиговъ Кирилла и Меѳодія, которые мученичествомъ засвидѣтельствовали свою преданность учителямъ и всю свою послѣдующую жизнь посвятили начатому ими дѣлу просвѣщенія славянъ? Объ одномъ изъ разсказчиковъ, еп. Климентѣ, сказано въ его біографіи, что онъ зналъ жизнь св. Меѳодія во всѣхъ подробностяхъ, потому что съ раннихъ лѣтъ послѣдовалъ за нимъ и былъ очевидцемъ всѣхъ его подвиговъ. Самъ Климентъ исправляетъ и дополняетъ это свидѣтельство, въ общемъ, впрочемъ, довольно вѣрное. Въ похвалѣ Кириллу философу между прочимъ онъ убла-

---

[1]) „Іоаннъ экзархъ болгарскій“, стр. 129.

жаетъ „многопресвѣтлое лицо“ святого за то, что оно „просвѣтило его (Климента) лицо богоразумнымъ свѣтомъ и *отогнало отъ него многобожную лесть*“ [1]. Въ этомъ отрывкѣ нельзя не признать автобіографическаго указанія на обращеніе автора изъ язычества (многобожная лесть) въ христіанство Кирилломъ философомъ; а затѣмъ, принимая во вниманіе, что,—какъ авторъ похвалы, Климентъ является передъ нами уже довольно начитаннымъ въ церковной литературѣ церковнымъ ораторомъ, мы должны заключить, что крещеніе Климента и, слѣдовательно, первое знакомство его съ Кирилломъ философомъ было задолго до написанія похвалы. Послѣ крещенія, по всей вѣроятности, онъ и не разставался съ Первоучителями до ихъ кончины.

Въ этихъ немногихъ сохранившихся свидѣтельствахъ древности достаточно рельефно обрисовывается восторженное отношеніе грамотныхъ славянъ ближайшихъ ко времени славянскихъ первоучителей поколѣній къ памяти первоучителей. Видно, что образы моравскихъ миссіонеровъ жили среди славянскихъ грамотеевъ, вдохновляли ихъ на продолженіе начатаго въ Моравіи просвѣтительнаго движенія. Жизнь и дѣятельность свв. братьевъ была для нихъ и предметомъ изученія и предметомъ подражанія. Съ какого-же времени она стала предметомъ литературной обработки? По всей вѣроятности, внѣшнимъ поводомъ къ литературной обработкѣ устныхъ преданій о Первоучителяхъ и у славянъ послужило церковное чествованіе ихъ памяти. Когда же чествованіе Кирилла и Меѳодія началось въ славянской церкви?

Конечно, славянамъ не было нужды дѣлать той разницы между святыми братьями, какую мы видѣли въ отношеніяхъ къ нимъ римской церкви. Славянская церковь не могла усвоить взгляда римской церкви на Меѳодія. Наоборотъ, Меѳодій, прожившій дольше своего брата и выполнившій болѣе замѣтную часть задуманнаго Кирилломъ просвѣтительнаго подвига, долженъ былъ, пожалуй, пользоваться въ славянскомъ населеніи большей популярностью и большимъ

---

[1]) „Кирилло меѳодіевскій сборникъ“. М. 1865 г., стр. 311.

уваженіемъ, чѣмъ Кириллъ; однако и въ славянской церкви прежде началось чествованіе Кирилла философа, а потомъ уже Меѳодія. Черноризецъ Храбръ, экзархъ Іоаннъ называютъ святымъ одного Кирилла, къ Меѳодію же этого эпитета не прибавляютъ. Сейчасъ увидимъ, что таже послѣдовательность въ признаніи святости солунскихъ братьевъ сказывается и въ древнѣйшихъ памятникахъ кирилло-меѳодіевской литературы. Сдѣланное наблюденіе ясно показываетъ, что чествованіе солунскихъ братьевъ славянскою церковью возникло въ ней не по ея инициативѣ, а подъ вліяніемъ Рима. Въ IX—X вв. славянская церковь не пользовалась самостоятельностью, подчиняясь или Византіи или Риму; зависимость ея сказалась и въ отношеніи къ памяти славянскихъ апостоловъ. Меѳодія, непризнаннаго Византіей и отвергнутаго Римомъ, и славянская церковь стала чтить не раньше конца X или даже начала XI в.; между тѣмъ Кирилла философа она включила въ канонъ своихъ святыхъ сейчасъ-же вслѣдъ за римской церковью, воспользовавшись ея инициативой.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ кирилло-меѳодіевской литературы замѣчается особенность, которая подтверждаетъ изложенное нами мнѣніе: первоначально день памяти св. Меѳодія посвящался вмѣстѣ съ тѣмъ и Константину философу. Въ мѣсяцесловахъ, напримѣръ, память его записана такимъ образомъ: „св. Меѳодія епископа моравскаго и св. Кирилла учителя словеньску языку“ [1]). Въ извѣстномъ кругѣ служебныхъ миней Синодальной библіотеки прот. Горскій нашелъ подъ 6 апрѣля канонъ „свѧтыма оучителема словѣньскоу ꙗзыкоу Курила философа и блаженаго Меѳодиꙗ [2]). Обоимъ братьямъ посвящено также похвальное слово на 6

[1]) Воскресенскій „Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ“ (Сборн. II отд. И. Ак. Н., т. XXXI, стр. 47 и примѣч. на стр. 52). Описанныя здѣсь рукоп., по письму, относятся уже къ XIV в., но по составу мѣсяцеслововъ онѣ должны быть отнесены къ числу древнѣйшихъ. Память Меѳодія помѣчена въ нихъ 7-мъ, а не 6-мъ, апрѣля; это произошло, вѣроятно, по небрежности писца.

[2]) „Кирилло-меѳодіевскій сборникъ“, стр. 291—296.

апрѣля [3]). Сохранилось и прямое свидѣтельство о томъ, что 6 апрѣля славянская церковь чтила обоихъ Первоучителей. Въ краткомъ житіи Меѳодія, находящемся въ древне-сербскомъ прологѣ подъ 25 августа, читаемъ такую приписку къ заголовку памятника: „творить же паметь сю (Кирилла и Меѳодія) ѕ̄ априлѣ мѣсеца и вельми церкви празднуетя въ (тьи?) день паметь сю“ [4]).

Такой порядокъ совмѣстнаго чествованія памяти славянскихъ апостоловъ продолжался, кажется, недолго. Съ теченіемъ времени чествованіе Кирилла философа 6 апрѣля выходитъ изъ употребленія, и праздникъ Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посвященная ему литература получаютъ болѣе самостоятельный характеръ, хотя долгое время продолжаютъ еще сохранять слѣды прежней двойственности; имя Кирилла продолжаетъ упорно держаться въ памятникахъ, посвященныхъ Меѳодію. Такъ, вышеупомянутое житіе Меѳодія изъ древне-сербскаго пролога начинается: „Тьи блажены убо и преподобны отець нашь Меѳодіе, архиепископь Вышнюю Мораву, *брать сущь преподобнаго Кирила философа, прьваго учитель Словеньскихь книгь, родомь суща Солуньнина*“; затѣмъ излагается жизнь и Кирилла философа вплоть до его смерти [1]). Житіе кончается молитвеннымъ обращеніемъ: „тѣхъ (и Кирилла и Меѳодія) молитвами спаси, Христе, душе (души наша?).—Новая служба Меѳодію (на 6 апрѣля), хотя только въ трехъ тропаряхъ, однако все-таки заключаетъ въ себѣ молитвенныя обращенія и къ Кириллу философу, и даже—что еще важнѣе—въ самомъ заголовкѣ посвящается обоимъ братьямъ: „преподобнаго отца Меѳодіа, учителѣ словенскому народу, и брата его Кирилла филосо-

---

[3]) Fontes rerum bohemicarum. T. I, стр. 58.

[4]) Калайдовичъ „Іоаннъ экзархъ болгарскій“, стр. 90.

[1]) Вѣроятно, переписчику житія, сдѣлавшему сообщеніе о торжественномъ празднованіи славянскою церковью дня кончины св. Меѳодія принадлежитъ и слѣдующій заголовокъ житія, неудачно передѣланный изъ вышеприведеннаго начала памятника: „вь тьжде день (августа к҃є) паметь вь светыхь повстинѣ преподобною отцу нашею Архиепископоу Моравьскою Костандина, нарицаемаго Кирила философа, и Методія, брата его, и Учителѣ суща Словеньску езыку“.

фа“ [1]). Въ мѣсяцесловахъ, рядомъ съ памятью „отца Меѳодія архіепископа моравскаго“ [2]), встрѣчается память преподобнаго отца нашего Меѳодія, архіепископа Вышняя Моравы, брата преподобнаго Курила философа [3]).

Собранные нами факты получаютъ значеніе, когда сопоставить ихъ съ памятниками, посвященными Кириллу философу. Дѣло въ томъ, что память Кирилла, 14 февраля, *никогда* не соединяется съ памятью или даже только съ именемъ его старшаго брата: мѣсяцесловныя записи, житія, похвальное слово, служба, помѣщаемыя въ богослужебныхъ книгахъ подъ 14 февраля, всегда прославляютъ одного Кирилла и въ заголовкахъ посвящаются ему одному.

Отмѣченная особенность въ распредѣленіи біографическаго матеріала между памятниками, посвященными тому и другому Первоучителю, не скрылась отъ вниманія покойнаго Горскаго. Въ изслѣдованіи службъ славянскимъ апостоламъ онъ объяснилъ молчаніе службы Кириллу философу о Меѳодіи въ смыслѣ указанія на составленіе памятника въ то время, когда Меѳодій былъ еще живъ („Кирилло-меѳод. сборникъ“, стр. 281). Въ изслѣдованіи пространныхъ житій онъ указалъ на внутреннюю связь между памятниками, сказывающуюся въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ опускаются тѣ части біографіи, которыя въ другомъ изложены подробно. (Ibidem, 9). Вторая мысль Горскаго воспринята и подробно развита покойнымъ Вороновымъ. Въ своемъ изслѣдованіи „Главнѣйшихъ источ-

1) Кир.-меѳод. сборникъ“, стр. 251.

2) Топографское четвероевангеліе XII в. „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизвѣстн. памятникахъ“ № XV, примѣчаніе на стр. 59.

3) Ватиканское евангеліе (Ассемани) XI в. Срезневскій „Др.-слав. памятн. юсоваго письма“ I, 13. Въ охридскомъ апостолѣ читаемъ подъ 14 февраля: „св. отца Авксентія и Кирилу учителѣ словѣньску языку“, подъ 6 апрѣля: „Въ тои же день почи блаженыи отецъ нашъ Меѳодіе, архіепископъ Моравескъ учителѣ словѣньску языку, иже прѣложи въскресть наставлъ пеати отъ грочьска въ словѣнескъ языкъ“ (Ibid. 90 и 94). Не пропущено-ли здѣсь имя Кирилла философа? Если мы прибавимъ къ словамъ: „Меѳодіе, архіепископъ Моравескъ“—что нибудь въ родѣ: „братъ сущъ преподобнаго Кирилла философа“, то послѣдующее содержаніе памяти, въ настоящей редакціи вызывающей недоумѣніе, станетъ вполнѣ понятнымъ.

никовъ для исторіи Кирилла и Меѳодія" Вороновъ находитъ указанное соотвѣтствіе не только въ пространныхъ житіяхъ, а также въ похвальныхъ словахъ и службахъ и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что каждая пара названныхъ источниковъ написана однимъ лицомъ. Съ точки зрѣнія Воронова, если въ Кирилловскомъ памятникѣ не говорится о Меѳодіи, это значитъ, что авторъ уже посвятилъ ему самостоятельное такое же произведеніе. Первое объясненіе Горскаго слишкомъ узко, второе — искусственно и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не находитъ оправданія въ памятникахъ.

Мы думаемъ, что внутренній смыслъ загадочнаго распредѣленія матеріала въ кирилло-меѳодіевской литературѣ скрывается въ исторіи канонизаціи славянскихъ апостоловъ и становится совершенно понятенъ съ предлагаемой нами точки зрѣнія. Въ памятникахъ, относящихся къ Кириллу философу, потому не говорится о старшемъ его братѣ, что тотъ еще не былъ канонизованъ; наоборотъ, въ меѳодіевскихъ памятникахъ говорится и о Кириллѣ философѣ потому, что послѣдній былъ уже давно извѣстенъ въ агіологической литературѣ, когда впервые появился въ ней Меѳодій: имя Кирилла философа, поставленное рядомъ съ именемъ его старшаго брата, сразу опредѣлило личность послѣдняго.—Присутствіе имени Кирилла философа въ богослужебныхъ книгахъ рядомъ съ именемъ Меѳодія раскрываетъ предъ нами одну любопытную подробность въ исторіи канонизаціи послѣдняго. Повидимому, Меѳодій былъ признанъ святымъ славянской церкви, какъ братъ *святого* Кирилла философа; указаніемъ на близкія родственныя отношенія его къ Кириллу, давно уже чествуемому церковью, какъ будто хотѣлось оправдать зачисленіе въ канонъ святыхъ и Меѳодія.

IV.

Въ связи съ исторіей канонизаціи Первоучителей выясняются два существенно важныхъ для правильной постановки кирилло-меѳодіевской критики вопроса: 1) общая схема происхожденія славянской кирилло-меѳодіевской письменности,

и 2) отношеніе послѣдней къ латинской кирилломееодіевской письменности или, точнѣе говоря, отношеніе пространнаго житія Константина философа къ итальянской легендѣ. Относительно перваго пункта большого разъясненія не требуется. Въ связи съ общимъ представленіемъ о происхожденіи памятниковъ устанавливается планъ изслѣдованія, который, въ свою очередь, оказываетъ огромное вліяніе на результаты изслѣдованія. Выводы Воронова въ значительной степени обусловливаются методомъ изслѣдованія памятниковъ, основывающимся на мысли покойнаго профессора о попарномъ происхожденіи кирилло-мееодіевскихъ житій, похвальныхъ словъ и службъ, извѣстныхъ намъ на славянскомъ языкѣ. Мы признаемъ ее неправильною и въ подтвержденіе ссылаемся на тѣ грубыя логическія ошибки, къ которымъ она привела Воронова въ конечныхъ его выводахъ. Просимъ читателей самихъ внимательно проштудировать изъ „Главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Мееодія", хотя бы только главу, посвященную похвальнымъ словамъ, чтобы убѣдиться, что сдѣланные въ ней выводы держатся всецѣло на разборѣ похвальнаго слова обоимъ братьямъ; изъ похвалы Кириллу философу приведена одна только выписка въ доказательство того, что появилась она не позже XI ст. Разумѣется Вороновъ пришелъ бы къ инымъ и, по нашему мнѣнію, болѣе вѣрнымъ заключеніямъ, еслибы разсматривалъ кирилловскіе и мееодіевскіе памятники какъ разъ въ обратномъ порядкѣ—отдѣльно каждую группу. Такой порядокъ изслѣдованія кирилло-мееодіевской литературы прополагается развиваемой нами теоріей послѣдовательной канонизаціи свв. славянскихъ первоучителей [1].

Вопросъ объ отношеніи пространнаго житія къ латинской легендѣ требуетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія. Возникъ онъ вмѣстѣ съ появленіемъ пространныхъ житій въ ученой кирилло-мееодіевской литературѣ, хотя въ изслѣдованіи „О Кириллѣ и Мееодіи" не былъ еще затронутъ. Бодянскій первый призналъ „поразительное сходство"

---

[1] Ср. „Чествов. свв. слав. апостоловъ Кир. и Мее. въ др.-русской церкви" („Хр. Чтеніе" за 1893 г., вып. 3, стр. 533).

между латинскимъ и славянскимъ житіемъ, заявивъ, что „заимствованіе одного у другого яснѣе солнечнаго дня". Но кто у кого заимствовалъ, или не обусловливается ли сходство вліяніемъ общаго для того и другого источника.— Бодянскій нашелъ рѣшить невозможнымъ [2]). Трудность рѣшенія вопроса происходила частью отъ того, что оба памятника считались современными: вспомнимъ, что Бодянскій признавалъ житіе Константина произведеніемъ еп. Климента; репутація латинскаго житія, какъ произведенія Гаудериха, современнаго славянскимъ апостоламъ еп. Веллетрійскаго, прочно была установлена еще съ 1668 г., со времени перваго появленія ея въ печати (Acta Sanctorum. Martii t. II). Но скоро невозможное для Бодянскаго оказалось возможнымъ для его ближайшихъ преемниковъ. Послѣ него вопросъ обыкновенно рѣшался болѣе смѣло въ пользу того или другого памятника, конечно, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи пространнаго житія. Викторовъ уже подробно доказывалъ компилятивный характеръ итальянской легенды, предполагая источники ея въ греко-славянскихъ памятникахъ—пространномъ житіи и въ словѣ на обрѣтеніе мощей Климента; послѣднее признавалось имъ за произведеніе самого Кирилла философа, первоначально написанное на греческомъ языкѣ. Мнѣніе іезуита Геншена о принадлежности легенды Гаудериху въ изслѣдованіи Викторова остается неприкосновеннымъ, а между тѣмъ его собственное мнѣніе о столь же древнемъ происхожденіи славянскаго житія, какъ мы знаемъ, особенной убѣдительностью не отличалось. Ясно, что при такихъ условіяхъ доказать преимущество славянскаго памятника передъ латинскимъ было довольно мудрено. Поэтому въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса сторонники пространнаго житія обратили главное вниманіе на происхожденіе латинской легенды, стараясь подорвать установившуюся репутацію ея, какъ произведенія Гаудериха. Сдѣлать это было не такъ трудно, потому что мнѣніе Геншена, при болѣе внимательномъ его разборѣ, оказалось далеко не прочнымъ. Основаніемъ для него служилъ отры-

---

[1]) „О времени происхожденія слав. письменъ". М, 1855 г., стр. 42.

вокъ житія Климента съ предисловіемъ Гаудериха, заключающимъ въ себѣ, между прочимъ, краткое изложеніе содержанія всего житія. Житіе дѣлится на три части: въ первой говорится о родѣ, отечествѣ, рожденіи, воспитаніи, предназначеніи, жизни, занятіяхъ, качествахъ ума Климента; во второй представлена глубина его ученія, достиженіе епископскаго сана, особенный авторитетъ его епископства и его неустрашимость въ философской борьбѣ противъ идоловъ; въ третьей разсказаны чудеса, страданія въ ссылкѣ, подвиги мученичества и чудеса возвращенія къ своему престолу. [1]) Геншенъ нашелъ соотвѣтствіе въ содержаніи итальянской легенды съ этимъ оглавленіемъ житія Климента и вывелъ отсюда заключеніе, что она и представляетъ извлеченіе или сокращеніе третьей части его; а такъ какъ все житіе, на основаніи предисловія, приписывалось епископу Гаудериху, то и итальянская легенда была признана его же произведеніемъ. Вороновъ указалъ на то, что легенда ни по содержанію, ни по формѣ вовсе не похожа на отрывокъ изъ житія Климента и представляетъ „особое, самостоятельное произведеніе, составленное съ цѣлью изложить сколько исторію обрѣтенія мощей св. Климента, столько же и исторію обрѣтателя этихъ мощей, принесшаго ихъ въ Римъ, св. Константина, изображаемаго въ легендѣ также святымъ и чудотворцемъ“. „Интересъ разсказа сосредоточивается здѣсь на личности не св. Климента, а св. Константина“. Вороновъ и въ самой легендѣ нашелъ указаніе на самостоятельность ея: въ разсказѣ объ ежегодно повторявшемся въ день памяти Климента чудѣ морского отлива (гл. 2) біографъ ссылается не на свое собственное, изложенное выше, повѣствованіе объ этомъ, а на исторію страданій или

---

[1]) Вороновъ „Кириллъ и Меѳодій“, стр. 323.—In primo siquidem libro Clementis genus, patriam, nativitatem, institutionem, propositum, vitam, conversionem et qualitatem recognitionis ejus innuimus. In secundo vero Deo auxiliante, profunditatem octrinae, dignitatem episcopalis apicis, auctoritatem singularis prontificatus, et audaciam contra idola sophisticae disputantis, subdiejdimus. Ast in tertio miramur prodigia, exulationis angustias, mar'yrii laureas, reversionis rus ad propriam sedem miracula colligere procuravimus. A. A. S. s, t. II, p. 15.

житіе св. Климента, какъ на извѣстное особое произведеніе, которымъ онъ только пользовался.—Въ дополненіе къ славянскимъ источникамъ легенды, поименованнымъ у Викторова, Вороновъ указалъ еще латинскій источникъ ея въ сочиненіи доминиканца Іакова де Ворагине, начала XIV в. Послѣдній заимствовалъ свои свѣдѣнія у Льва Остійскаго или діакона Петра, писателей XI—XII в., произведенія которыхъ до насъ не сохранились; а эти послѣдніе, въ свою очередь могли пользоваться трудомъ Гаудериха. Такимъ образомъ, въ итальянской легендѣ, быть можетъ, и дѣйствительно сохранился трудъ еп. Веллетрійскаго, но только сохранился въ позднѣйшей переработкѣ того времени „когда въ Чехіи и Моравіи при Карлѣ IV особенно стали оживляться преданія о древней славянской церкви и приготовлялось или вводилось церковное празднованіе памяти свв. Первоучителей“. „Итальянская легенда составляетъ первое звѣно въ ряду сказаній о Кириллѣ и Меѳодіѣ, возникшихъ въ XIV вѣкѣ“ (331).

Дальнѣйшее развитіе идеи Викторова сдѣлано покойнымъ Лавровскимъ [1]). Подробно развивая мысль своего предшественника, что легенда представляетъ самостоятельное цѣльное произведеніе, Лавровскій говоритъ, что по содержанію своему она нисколько не оправдываетъ утвердившагося за нею названія Vita cum translatione s. Clementis“. О жизни (Климента), замѣчаетъ авторъ, во всемъ сказаніи нѣтъ и полуслова; что-же касается „перенесенія“, то оно является лишь однимъ изъ эпизодовъ въ изложеніи дѣятельности св. Кирилла, и при томъ эпизодомъ болѣе краткимъ, нежели даже обрѣтеніе мощей св. Климента“. „Какъ начало сказанія, его главнѣйшія части, такъ и конецъ прямо и рѣшительно (говорятъ) въ пользу того, что (существенною) задачею (автора) были жизнь и труды св. Кирилла“. Лавровскій дополнилъ списокъ источниковъ итальянской легенды греческимъ произведеніемъ „Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Κλήμεν-

1) „Итальянская легенда. Критическій обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней; значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ ч. CCXLVI (за 1886 г., іюль, стр. 17—59; августъ, стр. 234 –275).

τος“; на него то ссылается авторъ легенды во 2-ой главѣ. Выводя почти все содержаніе памятника изъ греко-славянскихъ источниковъ, авторъ отвергаетъ и второе названіе его: „Итальянская легенда“. Въ восточныхъ источникахъ не находится покамѣстъ объясненія только для разспросовъ Кирилла среди жителей Херсониса [1]), но Лавровскій высказываетъ убѣжденіе, что „время при усиленномъ знакомствѣ съ рукописными матеріалами и съ изданіями ихъ откроетъ въ нихъ и эту подробность, если она... не обязана личному распространенію составителя, на основаніи краткой замѣтки житія“. (273—4). Въ окончательномъ выводѣ Лавровскій нѣсколько смягчаетъ строгій приговоръ Воронова, не признавая зависимости итальянской легенды отъ legenda aurea Якова де-Ворагине, и относя происхожденіе ея къ XIII—XIV в. Въ смыслѣ предположенія, происхожденіе латинскаго памятника связывается съ первыми распоряженіями римской куріи, разрѣшавшими славянское богослуженіе въ адріатическомъ приморьѣ по глаголическимъ книгамъ въ 1248 г. (275). Какъ мы знаемъ уже, выводы Лавровскаго и Воронова находятся въ тѣсной связи со взглядами ихъ на отношенія Римской церкви къ памяти Кирилла философа.

Скептическая школа не проявила большой дѣятельности и въ рѣшеніи разбираемаго вопроса. Для Гинцеля, послѣ того, какъ онъ обошелъ молчаніемъ пространное житіе, не было вопроса и объ отношеніи житія къ итальянской легендѣ, г. Бильбасовъ во 2-й ч. своего „Кирилла и Меѳодія“ изложилъ одни только выводы изъ изслѣдованія, входящаго въ 3-ю часть сочиненія, которая до сихъ поръ остается ненапечатанною. Только работа Воронова заставила—сначала академика Ягича, а затѣмъ о. Мартынова—выступить на защиту латинскаго памятника. Въ ней прежде всего было подвергнуто разбору мнѣніе объ источникахъ итальянской легенды. Не трудно было опровергнуть мнѣніе Воронова о зависимости латинскаго житія отъ Legenda aurea: не при-

---

[1]) Вороновъ источникъ ихъ указывалъ въ Legenda aurea.

нятое впослѣдствіи даже Лавровскимъ оно, безъ сомнѣнія, составляло какое то странное недоразумѣніе со стороны Воронова. Совершенно справедливо замѣтилъ академикъ Ягичъ, что обстоятельный разсказъ итальянской легенды объ обрѣтеніи мощей Климента ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведенъ изъ такого мутнаго источника, въ которомъ Cyrillus Moranorum episcopus, принесшій мощи Климента въ Римъ и sacerdos quidam nomine philosophus, отыскавшій мощи въ Корсуни, трактуются какъ двѣ разныя личности. — Труднѣе было опровергнуть зависимость итальянской легенды отъ слова на перенесеніе мощей Климента, и соображенія, высказанныя г. Ягичемъ по этому поводу, имѣютъ болѣе субъективный характеръ. Онъ не соглашается съ тѣмъ, чтобы изъ содержанія слова можно было сдѣлать такое извлеченіе, какое мы видимъ въ итальянской легендѣ,— отказывается допустить, чтобы жизнеописатель Кирилла могъ ссылаться на сочиненіе, въ которомъ имя славянскаго первоучителя ни разу не встрѣчается, и приходитъ къ тому заключенію, что херсонская и итальянская легенды представляютъ двѣ параллельныя редакціи сказанія объ обрѣтеніи мощей Климента. Одна изъ нихъ написана херсонитомъ на греческомъ языкѣ; переведенная на славянскій языкъ съ оригинала, заключавшаго въ себѣ легенду, должно быть, уже въ позднѣйшей передѣлкѣ, она дошла до насъ въ „словѣ на принесеніе мощей преславнаго Климента“. Въ основу латинскаго житія положены свѣдѣнія объ обрѣтеніи мощей Климента, сообщенныя въ Римѣ самимъ Константиномъ философомъ еп. Гаудерику для 3 ч. житія Климента. Академикъ Ягичъ подозрѣваетъ даже существованіе особаго сказанія объ обрѣтеніи мощей, написаннаго или самимъ Кирилломъ, или Гаудерихомъ. Основаніемъ для такого предположенія служитъ сходство легенды съ пространнымъ житіемъ, объяснимое, по его мнѣнію, только вліяніемъ на тотъ и другой памятникъ общаго источника, въ настоящее время неизвѣстнаго. [1])

---

[1]) Die neuesten Forschungen uber die slav. Apostel Cyrill und Method въ Archiv für slav. Philologie. B. IV, SS 97—128, 297—316. Итальянской легендѣ посвящены стр. 123—128.

Г. Ягичъ оставляетъ открытымъ вопросъ объ авторѣ итальянской легенды, признавая ее вообще произведеніемъ ближайшаго къ свв. братьямъ времени, когда дѣятельность ихъ еще не утратила своего интереса на западѣ. Г. Мартыновъ начинаетъ свое изслѣдованіе „La legende italique des ss. Cyrille et Méthode“ [1]) прямо съ признанія легенды произведеніемъ Гаудериха, ссылаясь въ подтвержденіе своей мысли, съ одной стороны, на предполагаемую имъ исторію происхожденія климентовой біографіи, а съ другой стороны—на содержаніе легенды, въ которой онъ указываетъ признаки независимости памятника отъ предполагаемыхъ ею греко-славянскихъ источниковъ; а главное вниманіе свое о. Мартыновъ обратилъ на заявленіе Воронова, что писателямъ XII—XIV вѣковъ итальянская легенда была неизвѣстна. Мы знаемъ уже, что доводы русскаго патера не подѣйствовали на покойнаго Лавровскаго, но самъ о. Мартыновъ думаетъ, что послѣ нихъ остается только найти дополненіе къ имѣющемуся началу біографіи Климента, или собственноручный Гаудериха списокъ итальянской легенды, чтобы принадлежность послѣдней Веллетрійскому епископу стала несомнѣннымъ фактомъ. Въ прошломъ году разбираемый вопросъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія. 2 іюля въ засѣданіи Баварской Академіи наукъ проф. Фридрихомъ былъ прочтенъ докладъ объ открытомъ имъ новомъ источникѣ для біографіи Кирилла и Меѳодія. Находка нѣмецкаго ученаго представляетъ письмо Анастасія Библіотекаря къ еп. Гаудериху. Съ обнародованіемъ ея въ Sitzungsberichte Академіи [2]) связь итальянской легенды съ трудомъ епископа Веллетрійскаго выясняется довольно точнымъ образомъ. Познакомимся ближе съ изслѣдованіемъ г. Фридриха.

Письмо Анастасія Библіотекаря посвящено какъ разъ окончанію біографіи папы Климента. Въ началѣ письма перечисляется все, что веллетрійскимъ епископомъ сдѣлано

[1]) „Revue des Questions historiques“. 71-e livr., Juillet, P. 1884.

[2]) Heft III, S. 493—442: „Ein Brief des Anastasius bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri uber die Abfassung der „Vita cum translatione s. Clementis Papae“. Eine neue Quelle zur Cyrillus—und Methodius Frage“.

для поддержанія въ церкви и въ обществѣ памяти св. папы, Съ этою цѣлью Гаудерихомъ было предпринято между прочимъ и составленіе біографіи Климента, для которой Анастасій долженъ былъ собрать источники на греческомъ языкѣ. Но такъ какъ латинская литература уже знакома съ греческой біографіей св. папы, то переводу подлежатъ, пишетъ Анастасій, только сочиненія объ обрѣтеніи мощей Климента, незадолго передъ тѣмъ написанныя солунскимъ философомъ Константиномъ, мужемъ апостольской жизни, именно: Storiola или brevis historia inventionis s. Clementis и Sermo declamatorius. Препровождая переводъ этихъ произведеній къ Гаудериху, Анастасій дополняетъ ихъ содержаніе свѣдѣніями, слышанными отъ самого Константина философа и отъ Смирнскаго митрополита Митрофана; послѣдній былъ знакомъ съ вопросомъ потому, что въ качествѣ ссыльнаго жилъ близъ Херсона въ то время, когда тамъ находился Константинъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій Константинъ еще написалъ Hymnum для прославленія Бога и бл. Климента. Въ виду того, что на латинскомъ языкѣ hymnus будетъ не пригоденъ для пѣнія, Анастасій рѣшилъ не переводить его. Письмо заканчивается замѣчаніями о литературной дѣятельности Климента.

Таково содержаніе новаго памятника. Въ немъ раскрывается предъ нами самый процессъ составленія третьей части Vitae et Translationis s. Clementis Гаудериха, выясняется ея содержаніе и источники, изъ которыхъ она была заимствована. Сопоставленіе письма Анастасія къ еп. Гаудериху съ предисловіемъ Vitae et Translationis ясно показываетъ, что составители послѣдней дѣйствительно строго придерживались изложенной въ предисловіи программы. О. Константинѣ философѣ ихъ интересовали свѣдѣнія лишь относящіяся къ біографіи Климента въ обрѣтеніи и принесеніи мощей св. папы. Такимъ образомъ оправдывается мнѣніе Лавровскаго повторяемое теперь и г. Фридрихомъ,— что итальянскую легенду правильнѣе было бы назвать не Vita cum translatione s. Clementis, a Vita s. Constantini oder Cyrilli (408). Впрочемъ анализъ содержанія легенды приводитъ изслѣдователя къ убѣжденію, что въ основѣ ея все

таки лежитъ гаудерихово сказаніе объ обрѣтеніи мощей Климента, хотя взятое впрочемъ не непосредственно изъ житія св. папы. До составленія итальянской легенды гаудерихово сказаніе уже было значительно пополнено, такъ что новому редактору его понадобилось только приписать три *послѣднія* главы, чтобы *получить итальянскую легенду* въ ея настоящемъ видѣ. Изъ той же редакціи гаудерихова сказанія, которой пользовался составитель итальянской легенды, сдѣлано было безсмысленное извлеченіе (ein verständnissloser Auszug) находящееся въ Legenda aurea и приписываемое Льву Остійскому (424—5, положеніе 10).

Translatio Гаудериха сохранилось въ итальянской легендѣ, въ гл. 2—5 и 7—9, за исключеніемъ кое-какихъ поправокъ, сдѣланныхъ во 2 и 9 гл. Оно составляетъ древнѣйшій и достовѣрнѣйшій источникъ для кирилло-меѳодіевской біографіи (полож. 11). На основаніи содержанія этого памятника г. Фридрихъ высказываетъ слѣдующія положенія: 1) Константинъ перевелъ на славянскій языкъ одно лишь евангеліе; 2) литургія на славянскомъ языкѣ въ Римѣ не совершалась во время пребыванія тамъ Константина философа; 3) славянскій переводъ ея сдѣланъ Меѳодіемъ; 4) изобрѣтеніе славянскаго шрифта только по недоразумѣнію приписывается Константину, какъ переводчику евангелія (стр. 419 и слѣд; полож. 12—14); 5) посвященіе Константина *въ епископскій санъ и* (6) *переименованіе его въ* Кирилла составляютъ позднѣйшій вымыселъ (стр. 412 и слѣд.; полож. 8).

Обстоятельный разборъ изслѣдованія нѣмецкаго профессора сдѣланъ акад. Ягичемъ въ статьѣ: „Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константана философа, первоучителя славянъ св. Кирилла“, напечатанной въ приложеніи къ XXII т. Записокъ Имп. Ак. Наукъ (№ 6); здѣсь помѣщенъ и полный текстъ вновь открытаго памятника съ русскимъ переводомъ. [1]) Не выходя за прадѣлы намѣченной

---

[1]) Только латинскій текстъ памятника напечатанъ еще нашимъ однофамильцемъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1893 г. кн. I; памятнику предпослана небольшая статейка, знакомящая читателей съ главными положеніями нѣмецкаго изслѣдованія.

нами програмы, мы должны познакомиться со взглядами обоихъ названныхъ ученыхъ на латинское и славянское житія Константина философа и на взаимное отношеніе двухъ этихъ памятниковъ между собою.

V.

Первый вопросъ разсматривается въ изслѣдованіи г. Фридриха въ связи съ вопросомъ о наименованіи Константина Кирилломъ. Въ древнѣйшихъ восточныхъ памятникахъ (пространное житіе Меѳодія, мѣсяцесловъ Остромірова евангелія) имя Кирилла философа не встрѣчается. Въ Legenda aurea Константинъ извѣстенъ лишь подъ именемъ Философа. Мартинъ (von Troppau, † 1278 г.) первый приписалъ перенесеніе мощей Климента въ Римъ *епископу моравскому Кириллу*; но тождество Философа съ еп. Кирилломъ остается пока подъ сомнѣніемъ. Полное сліяніе ихъ находимъ въ Сенонской хроникѣ, законченной при папѣ Бонифаціи VIII (1294—1303). Разсказъ итальянской легенды о посвященіи Константина въ епископскій санъ и наименованіи его Кирилломъ, по мнѣнію г. Фридриха, свидѣтельствуетъ о происхожденіи памятника въ то время, когда появленіе рядомъ съ именемъ Константина имени епископа Кирилла вызвало потребность объяснить связь между тѣмъ и другимъ (414).

Съ изложенной точки зрѣнія г. Фридрихъ отвергаетъ и историческое значеніе извѣстныхъ намъ фресокъ съ именемъ Кирилла, сохранившихся въ Климентовой базиликѣ (418). Между тѣмъ она оказывается въ самомъ основаніи своемъ невѣрною. Дѣло въ томъ, что съ именемъ Кирилла Константинъ философъ упоминается въ памятникахъ гораздо раньше XIII ст. Уже въ Остроміровомъ евангеліи, на которое ссылается нѣмецкій ученый только по недоразумѣнію, помѣщена подъ 14 февраля память „пр. отца нашего Константина философа, *нареченнаго въ чрънъчьство именемъ Кирила*". Въ Алеманіевомъ евангеліи, современномъ Остромірову, Константинъ записанъ прямо подъ именемъ Кирилла

философа (Ягичъ, 26—7). Не говоритъ о памятникахъ еще болѣе древнихъ по своему происхожденію, но дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ.

Г. Фридрихъ не выясняетъ исходнаго пункта превращенія Константина философа въ Кирилла—гдѣ, когда и почему оно первоначально возникло. Мы соглашаемся съ акад. Ягичемъ, что лучшее рѣшеніе этихъ вопросовъ даетъ пространное житіе.

Здѣсь разсказывается, что за 40 дней до смерти Константинъ принялъ имя Кирилла вмѣстѣ съ монашескимъ саномъ. Что современники Первоучителя — какъ Анастасій, Гаудерихъ, даже папа Іоаннъ VIII — называли его и послѣ смерти Константиномъ, а не Кирилломъ, — объясняется просто привычкою; весьма вѣроятно также, что самый фактъ посвященія въ монашество былъ извѣстенъ только небольшому кружку близкихъ Константину людей, а потому не всѣ знали и о перемѣнѣ имени. Монашеское имя Константина вводится въ обращеніе церковью, т. е. съ X в. Правда, въ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаемъ и мірское имя Первоучителя, но присутствіе его здѣсь свидѣтельствуетъ лишь о близкомъ знакомствѣ съ Константиномъ его современниковъ и ближайшихъ къ нему послѣдующихъ поколѣній. Такъ какъ римская церковь при канонизаціи Кирилла замѣнила монашескій санъ епископскимъ, то въ латинскомъ житіи перемѣна имени Первоучителя связывается съ посвященіемъ его въ епископы.

Происхожденіе пространнаго житія разсматривается г. Фридрихомъ въ связи съ исторіей славянскаго богослуженія. Полемическій характеръ памятника, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ о довольно позднемъ (ziemlich spät) его происхожденіи. Слѣдующіе признаки позволяютъ отнести его прямо ко времени передъ управленіемъ римскою церковью папою Александромъ II (1061—1072): 1) упоминаніе готовъ въ числѣ народовъ, невозбранно совершавшихъ свою народную литургію, которая встрѣтила строгое противодѣйствіе при папѣ Алексадрѣ II [1]; 2) Іеронимъ не только не

[1]) Въ Нятцѣхъ, отражая нападеніе треязычниковъ, Кириллъ говорилъ между прочимъ: мы же многы роды знаемъ. книгя умѣюща и Богу славу

признается изобрѣтателемъ славянскихъ письменъ, (какъ это признавалось въ XIII в., стр. 414 и слѣд.) а наоборотъ ясно подчеркивается, что не ему принадлежитъ изобрѣтеніе письменъ [1]); 3) намекъ на то, что изобрѣтатель славянскихъ письменъ уже считался еретикомъ, какъ это было признано на сплѣтскомъ соборѣ при папѣ Александрѣ [2]).

Выше мы высказались уже противъ отрывочнаго изслѣдованія памятниковъ. Г. Фридрихъ собственнымъ отношеніемъ къ доводамъ своихъ предшественниковъ отлично подтверждаетъ нашу мысль. Извѣстно, что въ пространномъ житіи заключается много мелочныхъ подробностей, которыя служатъ основаніемъ для признанія древности и достовѣрности памятника; въ томъ числѣ стоятъ имена римскихъ и византійскихъ современниковъ Кирилла и Меѳодія, съ которыми судьба такъ или иначе сталкивала нашихъ просвѣтителей. Не малыхъ усилій, вѣроятно, стоило Горскому доказать историческую достовѣрность упоминаемыхъ въ житіи такихъ столкновеній. Блестящія примѣчанія русскаго ученаго къ извѣстіямъ житія о совершеніи славянской службы въ Римѣ, пожалуй, больше всего способствовали успѣху его статьи и высказанныхъ въ ней положеній. Теперь достаточно было г. Фридриху получить отъ житія Константина неблагопріятное впечатлѣніе (sehr ungüstlichen Eindruck), чтобы признанные многими авторитетными учеными плоды научныхъ изысканій утратили всякое научное значеніе. Упоминаемыя въ житіи собственныя имена, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, вовсе не доказываютъ древняго

вѣдающа своимъ языкамъ кождо; явѣ же суть си. Армени, Перси, Авазъгы, Иверіи, Гугди, Готои и т. д.

[1]) Треязычники говорили Константину въ Нятцѣхъ: человѣче, скажи намъ, како ты еси сотворилъ словѣномъ книги и учиши я, ихже нѣсть никтоже насъ первѣе обрѣлъ, ни апостоли, ни римскій папежъ, ни ѳеологъ Григорій, ни Іеронимъ, ни Августинъ?

[2]) На предложеніе отправиться въ Моравію Константинъ далъ согласіе подъ условіемъ „аще имутъ букви въ языкъ свой"; когда же выявилось, что моравскихъ буквъ не имѣется, то миссіонеръ замѣтилъ: кто можетъ па водѣ бесѣду написати (безъ азбуки) или еретичьяго имя себѣ обрѣсти (черезъ изобрѣтеніе ея)?

происхожденія памятника: біографъ Константина просто-напросто подбиралъ имена современниковъ своего героя, чтобы возбудить больше довѣрія къ своему невѣроятному разсказу (431,436). Остается удивляться только, какъ это г. Фридрихъ, такъ безцеремонно распоряжающійся фактами, установившимися въ наукѣ уже довольно прочно,— рѣшается, въ свою очередь, основывать свои взгляды на столь непрочномъ фундаментѣ, какъ имя народа, встрѣчающееся въ перечнѣ другихъ этнографическихъ названій,— имя святого, отдѣльная фраза. Въ лучшемъ случаѣ вѣдь указанные признаки свидѣтельствуютъ лишь о вліяніи на памятникъ тѣхъ условій, которыя предполагаетъ изслѣдователь, а вовсе не о возникновеніи памятника при этихъ самыхъ условіяхъ. Такъ именно и слѣдуетъ понимать ихъ.

Значеніе приведенныхъ авторомъ доказательствъ выясняется въ связи съ вопросомъ о первоначальной редакціи пространнаго житія. Почти полное согласіе всѣхъ извѣстныхъ до нынѣ списковъ памятника, повело, кажется, къ тому неправильному заключенію, что въ нихъ мы имѣемъ первоначальный текстъ житія. Насколько поспѣшно такое заключеніе, можно видѣть изъ похвалы Кириллу философу. Извѣстные намъ 12 списковъ ея XV—XVII вв. принадлежатъ одной редакціи; на этомъ основаніи можно было бы признать эту редакцію за первоначальную, но судьба сохранила намъ одинъ списокъ XIII в., который показываетъ, что первоначальный текстъ похвалы былъ исправленъ кѣмъ-то и въ исправленномъ уже видѣ распространялся въ русской письменности XV—XVII вв.[1]). Къ счастію сохранилось указаніе и на то, что текстъ извѣстныхъ намъ списковъ пространнаго житія сохранился также не безъ позднѣйшихъ исправленій. Въ приложеніи къ русскому переводу „Кирилла

---

[1]) Обѣ редакціи похвалы напечатаны въ „Кирилло-меѳодіевскомъ сборникѣ“.—Сказанное о похвалѣ вполнѣ примѣнимо къ проложному житію Кирилла философа. Первоначальная редакція этого памятника сохранилась лишь въ хронографахъ русской редакціи XVII в. (Поповъ „Обзоръ хроногр. русской ред.“ Вып. 2. М. 1869 г., стр. 122 и слѣд.; самое житіе напечатано въ „Изборникѣ слав.-русскихъ статей, внесенныхъ въ хроногр. р. ред.“ М. 1869 г., примѣч. на стр. 137—8).

и Меѳодія“ Добровскаго Погодинымъ напечатанъ отрывокъ изъ хронографа, написаннаго въ Псковѣ въ 1494 г. Отрывокъ этотъ обыкновенно признается за выписку изъ пространнаго житія; подробное сличеніе его съ текстомъ полнаго житія приводитъ къ очень важнымъ заключеніямъ. Въ содержаніи находимъ то дополненія, то сокращенія полнаго житія; въ языкѣ находимъ несомнѣнные признаки перевода съ греческаго оригинала [1]).

Въ отрывкѣ находимъ и диспуты Константина съ латинскими епископами, попами и черноцами въ защиту славянскаго богослужебнаго языка, происходившіе по свидѣтельству житія, въ „Нятцѣхъ“. Первый вопросъ треязычниковъ здѣсь читаемъ въ такой редакціи: „человѣче, како ты есть створилъ грамоту словенскую и учиши я книгамъ онемъ языкомъ, ихъ же нѣсть никто же обрѣлъ—ни апостолъ, ни римскій

---

1) Въ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія конецъ преній Константина съ патріархомъ Іоанномъ: „(є) рече: Б҃гу рекшу къ Моисею не сотвориши всякаго подобія, вы же како творяще кланяетеся? (ф) рече: аще бы реклъ: не створиши *всякаго* подобія, то право прищи,—*иже бо* есть реклъ· всякого, *рекшаго* недостойнаго. Еретикъ же не умѣ, что рещи и умолче и посрамися“. Мысль Константина, по видимому, яснѣе выражена въ полныхъ спискахъ житія, гдѣ приведенное мѣсто читается въ такой редакціи: „Старець же рече: Богу рекшу къ Моисеови: не сътвориши всякого подобія, како вы, творяще, кланяетеся? Философъ же противу сему отвѣща: аще бы реклъ: не створиши *никакова же* подобія, то право прищи. но есть реклъ: не всякаго, сирѣчь достойное“. Противу сему не можетъ прѣтися старець, умлъча, посрамлься“. Отвѣтъ Константина представляетъ интересную попытку защитить иконопочитаніе филологическимъ разборомъ второй заповѣди, тогда какъ обыкновенно защита догмата строилась и строится въ настоящее время на историко-археологическихъ данныхъ. При разборѣ его слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что кромѣ обычной редакціи второй заповѣди: οὐ ποιήσεις σεαυτῷ εἴδωλον οὐδὲ παντὸς ὁμοίωμα... въ византійской литературѣ встрѣчается другая: οὐ ποιήσεις σεαυτῷ εἴδωλον οὐδὲ πᾶν ὁμοίωμα... (Первый антирретикъ Ѳеодора Студита). Не противополагается-ли философомъ одна редакція другой? и не потому-ли въ псковской редакціи спора, представляющей, повидимому, болѣе близкій къ греческому оригиналу переводъ, во всѣхъ случаяхъ стоитъ: „не *всякаго* подобія“,—такъ что предполагаемой антитезы вовсе не получается?

папежъ, ни Григорій Богословецъ“ и — только. Болѣе древняя редакція спора Константина съ треязычниками, такимъ образомъ, не знаетъ Іеронима съ Августиномъ и, слѣдовательно, не даетъ основаній для заключенія г. Фридриха. Не вспоминаетъ она и о Готахъ, когда перечисляетъ народы, имѣющіе „книги въ своимъ имъ языкѣ“ и прославляющіе Бога „своимъ имъ языкомъ въ разумъ истинный“; здѣсь указаны только „Перси, Армени, Сурьагази, Аравляни, Египтяни и ини мнози“. Разсказа объ отправленіи Константина въ Моравію въ отрывкѣ нѣтъ, и потому мы не можемъ провѣрить его текстъ, находящійся въ полномъ житіи. Впрочемъ для нашей цѣли этого и не требуется. Достаточно вникнуть въ смыслъ отмѣченной г. Фридрихомъ фразы: „кто можетъ на водѣ бесѣду написати или еретичьско имя себѣ обрѣсти?“—чтобы понять, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго намека на преслѣдованіе славянскаго письма, какъ еретическаго. Толкованіе г. Фридриха было бы справедливо, если бы Константинъ уклонился отъ изобрѣтенія письменъ; на самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, было какъ разъ наоборотъ: Константинъ считалъ изобрѣніе письменъ необходимымъ условіемъ успѣха миссіонерской дѣятельности. Въ его вопросѣ заключается та мысль, что „опасно проповѣдывать безъ письменной подкладки, потому что изъ одной устной передачи догматовъ вѣры могутъ выйти еретическія заблужденія, и тогда вина падетъ на проповѣдника“ (Ягичъ, 34).

Вообще для того, чтобы вѣрнѣе понять отдѣльные эпизоды пространнаго житія, необходимо предварительно выяснить общій характеръ всего памятника. „Легенда—такъ называетъ акад. Ягичъ пространное житіе—составлена въ блестящемъ легендарномъ стилѣ. Герой легенды обставленъ съ первыхъ-же дней рожденія и въ первой молодости аттрибутами человѣка, Богомъ избраннаго на великіе, святые подвиги. А подвиги эти заключались не только въ послѣдней миссіи Константина философа, которой въ изложеніи не отводится даже трети содержанія. Главная мысль, проводимая черезъ всю легенду, не сосредочивается ни въ апостольствѣ Константина среди славянъ, ни въ изобрѣтаніи письменъ, ни въ переводахъ на славянскій языкъ, а въ его

миссіонерской, такъ сказать, диспутаторской дѣятельности противъ ересей. Надо только умѣть читать это блестящее произведеніе византійской риторики безъ предвзятыхъ мыслей, чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія. Въ гл. IV-й мы уже встрѣчаемъ молодого Константина въ нѣкоторомъ преніи съ логоѳетомъ. Въ гл. V-й онъ является въ полемикѣ съ патріархомъ „Анисомъ". Гл. VI-я посвящена пренію его съ „сарацинами". Главы VIII—XII, больше трети цѣлаго текста, излагаютъ, очень подробно ходъ диспутовъ Константина съ хазарами. Гл. XV-я содержитъ въ себѣ опять намеки на полемику его съ противниками славянскаго богослуженія, съ латинскимъ клиромъ въ Моравіи. Гл. XVI-я излагаетъ полемику его съ „триязычниками" въ Венеціи. Кто не видитъ во всемъ этомъ тенденціи? Но конечно, она не направлена противъ Рима, какъ думаетъ профессоръ Фридрихъ, а родилась въ нѣдрахъ Византіи, то есть, ея культурныхъ воззрѣній, и была поддерживаема положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи въ началѣ X столѣтія. Съ этой точки зрѣнія единственно вѣрной,—вѣрной потому, что она ясно намѣчена всѣмъ содержаніемъ легенды, надо обсуждать и отдѣльные эпизоды ея, а не такъ, какъ это дѣлается въ статьѣ профессора Фридриха" (Ягичъ, 33; ср Воронова „Кир. и Меѳ.", стр. 98 и слѣд.).

Вопросъ объ отношеніи между житіемъ и легендой, г. Фридрихъ рѣшаетъ, конечно, въ пользу послѣдней. Изслѣдователю кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы легенда стала заимствовать изъ житія тѣ чисто римскія мѣстныя преданія, какія читаемъ въ заключительныхъ главахъ того и другаго памятника; наоборотъ, заимствованія славянскаго житія изъ итальянской легенды нашъ авторъ вполнѣ допускаетъ, объясняя ихъ самимъ наглядпымъ образомъ. Извѣстное свидѣтельство житія объ иконѣ Константина, написанной надъ его гробницей, предъ которой римляне теплили не угасимую лампаду,—не находитъ для себя письменныхъ источниковъ. Отсюда г. Фридрихъ заключаетъ, что свѣдѣніе объ иконѣ получено составителемъ (Ueberarbeiter) житія путемъ самостоятельнаго наблюденія: какъ усердный почитатель славянскаго первоучителя, онъ ѣздилъ въ Римъ

на поклоненіе мощамъ его; здѣсь то онъ узналъ о существованіи иконы [1]) и познакомился съ латинской легендой, *которую впослѣдствіи передѣлалъ въ славянское житіе* (429—430).

Болѣе серьезнымъ, фактическимъ основаніемъ для заключенія г. Фридриха служитъ разсказъ житія объ обрѣтеніи мощей Климента. Мы знаемъ, что по Херсонской легендѣ нельзя догадаться, кѣмъ именно мощи найдены, такъ какъ имени главнаго дѣйствующаго лица въ ней нѣтъ. Противополагая херсонской легендѣ итальянскую, академикъ Ягичъ отмѣтилъ въ послѣдней, какъ отличительную черту западной редакціи преданія, рѣшительное присвоеніе обрѣтенія мощей Константину философу. Г. Фридрихъ развиваетъ *мысль академика Ягича дальше*. Въ письмѣ къ Гаудериху Анастасій замѣчаетъ, между прочимъ; licet idem sapientissimus vir tacito nomine suo in storiola sua qualiter acta sit strictim commemoret (гл. 1). [2]) На стр. 427 эта замѣтка толкуется уже въ томъ смыслѣ, что Константинъ ни въ Storiola, ни въ Sermo declamatorius, ни въ устной передачѣ не выставлялъ себя виновникомъ обрѣтенія мощей: имя винов-

---

[1]) Г. Фридрихъ высказываетъ, между прочимъ, предположеніе, что изображеніе святого съ именемъ Кирилла въ базиликѣ св. Климента могло быть отнесено къ Константину философу, въ то время, когда за послѣднимъ утвердилось имя Кирилла. (419).

[2]) Замѣчаніе весьма важное для кирилло-меѳодіевской критики; подъ его вліяніемъ акад. Ягичъ измѣняетъ и свой взглядъ на слово на перенесеніе мощей (Херсонскую легенду). „Теперь уже и сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что это слово въ концѣ концовъ основывается на сочиненіи Константина. Подробныя изслѣдованія должны только рѣшить вопросъ, сохранился ли въ „словѣ“ подлинный видъ второго сочиненія Константина философа, *Sermo declamatorius*, или же въ славянскомъ переводѣ „слова“ уцѣлѣла только позднѣйшая передѣлка подлиннаго сочиненія, для которой анонимный компиляторъ могъ употребить, кромѣ „слова“ въ его подлинномъ видѣ, и историческую повѣсть. На эту мысль *наводитъ легко уже* заглавіе слова:: *Слово на пренесеніе мощамъ преславнаго Климента историческую имоуще бесѣду*“... Что значитъ здѣсь историческая бесѣда? Не напоминаетъ ли эта прибавка въ заглавіи слова ту въ письмѣ Анастасія historica naratio? Выходитъ, будто кто-то, передѣлывая слово, включилъ въ него также отрывки изъ „исторической бесѣды“. Я не считаю этими намеками вопросъ рѣшеннымъ, но указываю на важность письма и въ этомъ отношеніи

ника впервые было сообщено Митрофаномъ Смирнскимъ. Поэтому письмо Анастасія Библіотекаря служитъ единственнымъ источникомъ этихъ свѣдѣній, равно какъ и свѣдѣній о приготовленіяхъ къ поискамъ за мощами (полож. 5).

Оба мнѣнія нѣмецкаго ученаго вызвали возраженія со стороны акад. Ягича. Во 1-хъ, оппонентъ не можетъ допустить, чтобы въ передѣлкѣ латинской легенды, какою представляетъ себѣ проф. Фридрихъ пространное житіе, могло быть пропущено сообщеніе легенды о посвященіи Константина въ епископскій санъ, а этого факта, какъ извѣстно, въ пространномъ житіи нѣтъ. Во 2-хъ, онъ не соглашается съ тѣмъ, чтобы составитель пространнаго житія, принадлежавшій „къ числу лицъ, если не лично знавшихъ Меѳодія, то по крайней мѣрѣ узнавшихъ очень многое о жизни первыхъ учителей изъ показаній поколѣнія, жившаго вслѣдъ за ними", — могъ не знать объ участіи Константина въ обрѣтеніи мощей Климента. „Какова бы ни была причина, заставившая Константина хранить молчаніе о своемъ участіи, говоритъ акад. Ягичъ, — она исчезла съ его кончиною; Меѳодій же, вѣрный другъ своего брата, не могъ не знать о томъ, что митрополитъ смирнскій Митрофанъ съумѣлъ сообщить Анастасію въ Константинополѣ. Для Меѳодія, пережившаго своего любимаго брата почти на двадцать лѣтъ, не было положительно никакой причины соблюдать тайну по отношенію къ факту, возвышавшему Константина въ памяти преданныхъ ему почитателей" (26).

Впрочемъ присоединяясь къ этимъ возраженіямъ, мы позволимъ себѣ прибавить, что съ точки зрѣнія тѣхъ дружескихъ отношеній между первоучителями и учениками, какія мы старались воспроизвести по дошедшимъ до насъ документамъ въ главѣ 3, поднятый вопросъ разрѣшается въ такую дилемму; если греко-славянскіе памятники могли узнать объ участіи Константина въ обрѣтеніи мощей Климента только изъ западныхъ источниковъ, то достовѣрность этихъ источниковъ еще подлежитъ провѣркѣ; [1]) если же признать уча-

---

[1]) Преданіе представляется намъ подозрительнымъ и въ настоящее время, не смотря на подтвержденіе его въ письмѣ Анастасія. Въ самомъ дѣлѣ,

стіе Константина въ обрѣтеніи мощей за фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то необходимо допустить, что о немъ было извѣстно, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Внимательное сличеніе славянскаго житія съ итальянской легендой снова приводитъ акад. Ягича къ убѣжденію, что

тотъ же самый Анастасій, въ письмѣ къ императору Карлу Лысому, и папа Адріанъ II, въ письмѣ къ славянскимъ князьямъ, говорятъ лишь о принесеніи мощей въ Римъ (Бильбасовъ. Ч. I, стр 128; т. II, стр 262). Любопытно, что обрѣтеніе мощей не помѣчено и въ предисловіи Гаудериха къ жизнеописанію Климента: in tertio libro miramur, излагаетъ онъ содержаніе третьей главы своего труда, prodigia, exulationis angustias, martyrii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula colligere procuravimus (A. A. SS. Martii tom. II, p. 15; Бильбасовъ, ч. II, стр. 10—11; въ русской передачѣ г Бильбасова допущена большая неточность). Кромѣ кирилломееодіевской литературы, на востокѣ свѣдѣнія объ обрѣтеніи мощей сохранились въ извѣстной херсонской легендѣ и въ проложномъ сказаніи, находящемся въ прологѣ подъ 25 ноября. По первому памятнику хронологію событія нельзя опредѣлить,—такъ какъ въ сохранившихся спискахъ его годъ обрѣтенія мощей искаженъ (4369). Въ прологѣ событіе отнесено къ царствованію Никифора. Полагая, что подъ этимъ именемъ подразумѣвается Никифоръ I (802—811), св. Димитрій Ростовскій въ четьи минеѣ такимъ образомъ примирилъ проложное сказаніе съ житіемъ Константина: въ царствованіе Никифора только прекратилось чудо морского отлива, „затворися море“, обрѣтеніе же мощей совершилось въ царствованіе Михаила III, при патріархѣ Игнатіи, по иниціативѣ Константина философа. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что сообщаемыя св. Димитріемъ подробности событія вовсе не составляютъ вымысла святителя, какъ утверждаетъ профессоръ Малышевскій („Святые Кириллъ и Меѳодій“, стр. 52, примѣч.; ср примѣч. на стр. 134).—а заимствованы имъ изъ проложнаго сказанія. Обрѣтеніе мощей Климента съ большимъ торжествомъ ежегодно праздновалось въ Херсонѣ, какъ это видно изъ окончанія Херсонской легенды; единственный списокъ дошедшей до насъ службы на обрѣтеніе мощей также, вѣроятно, херсонскаго происхожденія. Въ Византіи между тѣмъ оно совсѣмъ было неизвѣстно. („Полный мѣсяц. востока“ арх. Сергія, т II, замѣтки, стр. 372; срв. Assemani „Calendaria“, V, p. 382). Сопоставленіе получается довольно интересное для характеристики взаимныхъ отношеній той и другой церкви къ обрѣтенію. Полное равнодушіе византійской церкви также не располагаетъ въ пользу господствующаго мнѣнія, что это совершилось во время хазарской миссіи Константина, т. е. лѣтъ 20 спустя послѣ „торжества православія“.—Какъ примирить это равнодушіе съ заявленіемъ Анастасія: ceterum, quae idem mirabilis vere philosophus in hujus honorabilium inventione reliquiarum solemniter ad himnologicon dei omnipotentis edidit e grecorum resonant scolae“ (c. 4)?

„Итальянская легенда и Кирилловская не стоятъ въ какой-либо зависимости другъ отъ друга, а напротивъ та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію" (24).

Къ такому-же заключенію должно привести, думается намъ, изслѣдованіе общихъ условій возникновенія Кирилло-Меѳодіевской литературы. Славянская церковь при своемъ зависимомъ положеніи не могла проявить иниціативы въ установленіи чествованія памяти свв. славянскихъ апостоловъ, но ей не было никакой нужды пользоваться и латинскими памятниками чествованія свв. братьевъ. Литературная обработка преданій о славянскихъ апостолахъ возникла одновременно въ католическомъ и славянскомъ мірѣ. Если исходнымъ пунктомъ изслѣдуемой литературы послужила канонизація Кирилла-Константина философа, то на первыхъ порахъ—и тамъ, и здѣсь—она ограничивается жизнью и дѣятельностью только послѣдняго. Но біографія Кирилла, конечно, должна была получить не одинаковое освѣщеніе у католическихъ и православныхъ біографовъ его. Въ то время, какъ у первыхъ онъ является преимущественно виновникомъ обрѣтенія и доставленія въ Римѣ мощей папы Климента, вторые главное вниманіе обращаютъ на миссіонерскую дѣятельность своего первоучителя. Тѣ и другіе располагали въ сущности одними и тѣми же источниками для своей работы. Конечно, показанныя въ письмѣ Анастасія произведенія Кирилла философа всѣ были хорошо извѣстны славянскому кружку почитателей первоучителя; равнымъ образомъ ему были извѣстны и устные разсказы Кирилла. Даже можно догадываться, что въ славянскомъ кружкѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности первоучителей были гораздо богаче, чѣмъ въ латинскомъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы считаемъ преждевременною замѣну вопроса о взаимоотношеніи латинскаго и славянскаго памятниковъ въ вопросомъ о подчиненіи одного изъ нихъ другому, какъ это дѣлается большинствомъ изслѣдователей. Къ тому же, рѣшеніе послѣдняго вопроса, конечно, должно составлять выводъ изъ изслѣдованія самыхъ памят-

никовъ, а изслѣдованіе ихъ, какъ мы старались показать, еще далеко отъ того положенія, чтобы служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ.

VI.

Кириллъ и Меѳодій не принадлежали къ категоріи тѣхъ великихъ людей, которые совершаютъ свои подвиги, совершенно не замѣченные современниками, и только по смерти пріобрѣтаютъ извѣстность. Просвѣтительная дѣятельность ихъ сразу обратила на себя вниманіе всего міра, собирая къ нимъ и на востокѣ, и юго-западѣ то горячихъ друзей, то страстныхъ противниковъ. Эта популярность первоучителей должна быть принята къ свѣдѣнію кирилло-меѳодіевской критикой: ей мы обязаны съ одной стороны быстрымъ распространеніемъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій, съ другой—очень ранней порчей ихъ, случайной и намѣренной. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдователю приходится дѣлать поправки въ источникахъ почти современныхъ Кириллу и Меѳодію. Мы знаемъ уже, когда и какъ произошло преданіе о посвященіи Кирилла въ епископскій санъ,—когда и почему происхожденіе славянской грамоты на западѣ стали приписывать Меѳодію вмѣсто Кирилла. На востокѣ почти въ это же время уже не могли отчетливо разсказать ни о литературной дѣятельности Меѳодія, ни объ участіи Кирилла въ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. Черноризецъ Храбръ, напр., признаетъ изобрѣтеніе Кирилла философа первою славянской азбукой, до которой были *только черты да рѣзы*, и въ *то же время насчитываетъ* въ этой азбукѣ 38 знаковъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что 38-ти значная славянская азбука не сразу появилась, а развилась изъ 35-ти значной, чрезъ прибавленіе къ ней греческихъ буквъ Θ, Ξ, Ψ,—такъ что въ сказаніи „О письменѣхъ“ оказывается внутреннее противорѣчіе, изъ котораго возможны только два выхода: согласиться съ Храбромъ, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ 38 мизначной азбуки, но въ такомъ случаѣ признать его продолжателемъ дѣла, начатаго

раньше кѣмъ-то другимъ; или признать за нимъ честь изобрѣтенія первой славянской азбуки, но въ такомъ случаѣ сократить въ ней указываемое Храбромъ число знаковъ, по крайней мѣрѣ, на три.—Позже, таже популярность славянскихъ первоучителей отразилась въ намѣренномъ и ненамѣренномъ искаженіи писанныхъ уже преданій о нихъ: въ восточной письменности, напр., старательно затирается связь первоучителей съ Римомъ (сказаніе русской Начальной лѣтописи подъ 6406 г., проложныя житія обоихъ братьевъ); на западѣ тоже самое дѣлается въ отношеніи къ Византіи (Sex lectiones).

Отмѣченная черта въ исторіи развитія кирилло-меѳодіевскихъ преданій придаетъ особенно важное значеніе въ кирилломеѳодіевской критикѣ исторіи текста кирилломеѳодіевскихъ источниковъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, вопросъ объ измѣненіяхъ текста пространныхъ житій остался только слегка затронутымъ въ кирилло-меѳодіевской литературѣ. Правда, въ самыхъ спискахъ пространныхъ житій, не раздѣляющихся на редакціи, мы не находимъ повода къ подробному рѣшенію этого вопроса. Высказанныя Горскимъ сомнѣнія въ современности нѣкоторыхъ извѣстій пространнаго житія первоначальному происхожденію памятника съ теченіемъ времени разрѣшилось въ отрицательномъ смыслѣ, но не столько научнымъ доказательствами, сколько сами собой, на основаніи однообразія текста всѣхъ извѣстныхъ списковъ житія. Однако вѣдь сравненіе списковъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что всѣ они въ концѣ концовъ списаны съ одного—двухъ оригиналовъ XIV—XV в., а насколько сохранилась въ этихъ оригиналахъ первоначальная редакція, изъ сравненія памятниковъ невидно. Поэтому намъ кажется, что однообразіе списковъ пространныхъ житій вовсе не устраняетъ необходимости рѣшенія вопроса объ историческомъ развитіи ихъ текста, а только видоизмѣняетъ его постановку.

Не находя въ самомъ житіи данныхъ для его изслѣдованія, мы должны поискать ихъ внѣ житія, во всей кирилломеѳодіевской письменности. Съ этой цѣлью необходимо подвергнуть историко-критическому и литературному изслѣдованію всѣ памятники, такъ или иначе соприкасающіеся съ

пространнымъ житіемъ. Полный и подробный разборъ содержанія кирилло-меѳодіевской письменности, безъ раздѣленія ея на главную и второстепенную, въ настоящее время составляетъ, думается намъ, насущную потребность кирилло-меѳодіевской критики. Онъ-то долженъ установить научнымъ образомъ, сравнительное историческое достоинство тѣхъ или другихъ источниковъ и такимъ образомъ расчистить путь спеціальному ихъ изслѣдованію, намѣченному выше, въ первой главѣ. Для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли намъ казалось бы полезнымъ подвергнуть исторію славянскихъ апостоловъ тщательному эпизодическому изученію. Другими словами, для болѣе достойнаго завершенія съ такимъ успѣхомъ начатаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изслѣдованія мы должны вернуться къ статьѣ покойнаго А. В. Горскаго и заняться рѣшеніемъ намѣченныхъ въ ней вопросовъ, оставленныхъ—было кирилло-меѳодіевской критикой безъ разсмотрѣнія.

Андрей Петровъ.
